

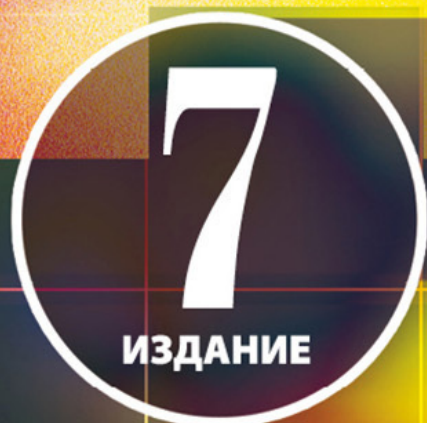
Московский
Институт
ПСИХОАНАЛИЗА

РЕКОМЕНДУЕТ

ТРИ СУДЬБЫ, ДВЕ ЭПОХИ,
ОДНА РАЗГАДКА

ИРВИН

ЯЛОМ

**ШОПЕНГАУЭР
КАК ЛЕКАРСТВО**

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Практическая психотерапия

Ирвин Ялом

Шопенгауэр как лекарство

«ЭКСМО»

2005

УДК 616.8
ББК 53.57

Ялом И. Д.

Шопенгауэр как лекарство / И. Д. Ялом — «Эксмо»,
2005 — (Практическая психотерапия)

Опытный психотерапевт Джулиус узнает, что смертельно болен. Его дни сочтены, и в последний год жизни он решает исправить давнюю ошибку и вылечить пациента, с которым двадцать лет назад потерпел крах. Филип – философ по профессии и мизантроп по призванию – планирует заниматься «философским консультированием» и лечить людей философией Шопенгауэра – так, как вылечил когда-то себя. Эти двое сталкиваются в психотерапевтической группе и за год меняются до неузнаваемости. Один учится умирать. Другой учится жить. «Генеральная репетиция жизни», происходящая в группе, от жизни неотличима, столь же увлекательна и так же полна неожиданностей. Ирвин Д. Ялом – американский психотерапевт, автор нескольких международных бестселлеров, теоретик и практик психотерапии и популярный писатель. Перед вами его последний роман. «Шопенгауэр как лекарство» – книга о том, как философия губит и спасает человеческую душу.

УДК 616.8
ББК 53.57

© Ялом И. Д., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	42
Глава 9	44
Глава 10	51
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирвин Ялом

Шопенгауэр как лекарство.

Психотерапевтические истории

Irvin D. Yalom
THE SCHOPENHAUER CURE

Copyright © by Irvin D. Yalom
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

© Махалина Л.В., перевод, 2016
© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Э», 2019

* * *

Моим старинным и добрым приятелям, которые были со мной рядом, делили со мной все беды и горести и поддерживали меня своей мудростью и бесконечной любовью к жизни разума:

Роберту Бергеру, Мюррею Байлмзу, Мартелу Брайанту, Дагфинну Фёллесадо, Джозефу Фрэнку, Вэну Харви, Джулиусу Каплану, Херберту Котцу, Мортону Либерману, Уолтеру Сокелу, Солу Спайро и Ларри Зарофффу.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Эта книга долго зрела в моей голове, и я благодарен всем, кто помог ее появлению на свет. Редакторам, помогавшим мне создать этот необычный сплав вымысла, психобиографии и педагогики психотерапии: моей безотказной советчице Марджори Брэман из издательства «Харпер Коллинз», Кенту Кэрроллу, а также моим добровольным домашним редакторам – сыну Бену и жене Мэрилин. Моим многочисленным друзьям и коллегам, прочитавшим рукопись и сделавшим свои ценные замечания: Вэну и Маргарет Харви, Уолтеру Сокелу, Рутеллен Йоссельсон, Каролин Зарофф, Мюррею Байлмзу, Джулиусу Каплану, Скотту Вуду, Хербу Котцу, Роджеру Уолшу, Солу Спайро, Джин Роуз, Хелен Блау, Дэйвиду Спигелу. Моей группе поддержки – коллегам-терапевтам, которые на протяжении всей работы оказывали мне неоценимую помощь. Моему блестящему литературному агенту, обладательнице многих талантов Сэнди Дийкстра, которая, в числе прочего, предложила и название этой книги (как, впрочем, и моей предыдущей книги, «Дар психотерапии»). Моему научному сотруднику Джери Дорану.

Большая часть сохранившейся переписки Шопенгауэра либо до сих пор вообще не переведена на английский, либо переведена довольно нескладно. Я признателен моим немецким помощникам Маркусу Бергину и Феликсу Рейтеру за содействие в переводе и колоссальную библиотечную работу. Уолтер Сокек оказал мне важную научную поддержку и помог перевести на английский многие эпиграфы к главам так, чтобы с наибольшей точностью передать яркий и неповторимый стиль Шопенгауэра.

Я благодарен моей жене Мэрилин за ее неизменную любовь и поддержку.

Множество прекрасных книг вдохновили меня на эту работу. Прежде всего, я признателен изумительной биографии Рудигера Сафрански «Шопенгауэр и бурные годы философии» («Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy», Harvard University Press, 1989) и самому автору за то, что великодушно согласился проконсультировать меня во время нашей продолжительной беседы в берлинском кафе. Идея библиотерапии – самоисцеления с помо-

щью систематического чтения философии – принадлежит Брайану Маджи и его великолепной книге «Признания философа» («Confessions of a Philosopher», New York: Modern Library, 1999). Остальные произведения, на которые я опирался при написании этой книги: Bryan Magee. «The Philosophy of Schopenhauer» (Oxford: Clarendon Press, 1983; revised 1997); John E. Atwell. «Schopenhauer: The Human Character» (Philadelphia: Temple University Press, 1990); Christopher Jane-way. «Schopenhauer» (Oxford, U.K.: Oxford Univ. Press, 1994); Ben-Ami Scharfstein. «The Philosophers: Their Lives and the Nature of their Thought» (New York: Oxford University Press, 1989); Patrick Gardiner. «Schopenhauer» (Saint Augustine's Press, 1997); Edgar Saltus. «The Philosophy of Disenchantment» (New York: Peter Eckler Publishing Co., 1885); Christopher Janeway. «The Cambridge Companion to Schopenhauer» (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999); Michail Tanner. «Schopenhauer» (New York: Routledge, 1999); Frederick Copleston. «Arthur Schopenhauer: Philospher of Pessimism» (Andover, UK: Chapel River Press, 1946); Alain de Botton. «The Consolations of Philosophy» (New York: Vintage, 2001); Peter Raabe. «Philosophical Counseling» (Westport, Conn.: Praeger); Shlomit C. Schuster. «Philosophy Practice: An Alternative to Counseling and Psychotherapy» (Westport, Conn.: Praeger, 1999); Lou Marinoff. «Plato Not Prozac» (New York: HarperCollins, 1999); Peirre Hadot and Arnold I. Davidson, eds. «Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault» (Michael Chase, trans., New Haven: Blackwell, 1995); Martha Nussbaum. «The Therapy of Desire» (Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1994); Alex Howard. «Philosophy for Counseling and Psychotherapy: Pythagoras to Postmodernism» (London: Macmillan, 2000).

Глава 1

Каждое дыхание отражает непрерывно нападающую смерть, с которой мы таким образом ежесекундно боремся... В конце концов смерть должна победить, ибо мы – ее достояние уже от самого рождения своего и она только временно играет со своей добычей, пока не поглотит ее. А до тех пор мы с большим рвением и усердной заботой продолжаем свою жизнь, насколько это возможно, подобно тому как возможно дольше и возможно больше раздувают мыльный пузырь, хотя и знают наверняка, что он лопнет¹.

Джулиус не хуже других знал все, что принято говорить о смерти. Он был согласен со стоиками, которые утверждали: «Рождаясь, мы умираем», и с Эпикуром, рассуждавшим: «Пока я здесь, смерти нет, а когда она придет, меня не будет. Зачем же ее бояться?» Как врач и психотерапевт он и сам не раз твердил нечто подобное, сидя у постели умирающих.

Но, хотя он и считал своим долгом внушать клиентам эти невеселые истины, ему и в голову не приходило, что однажды они смогут пригодиться ему самому. По крайней мере, до того жуткого момента месяц назад, который навсегда перевернул его жизнь.

Это случилось во время ежегодного планового осмотра у врача. Его врач, Херб Катц, старинный приятель и бывший однокурсник, закончил привычную процедуру и, позволив Джулиусу одеться, поджидал его в своем кабинете для заключительной беседы.

Херб сидел за столом, вертя в руках карту Джулиуса.

– Ну что ж, старик, для шестидесяти пяти совсем неплохо. Правда, простата слегка увеличена, но и у меня, доложу я тебе, не лучше. Кровь, холестерин, липиды – все выглядит довольно прилично: лекарства и диета делают свое дело. Вот твой рецепт. Липитор и про-бежки привели холестерин в норму, так что можешь немного расслабиться: время от времени съедай по яйцу. Лично я ем два каждое воскресенье. Да, и вот твой рецепт на синтиرويد. Я решил слегка увеличить дозировку: щитовидка начала давать сбои – здоровые клетки отмирают, пошло замещение фиброзной тканью. Ничего страшного, как ты понимаешь, обычная история – я сам лечу щитовидку. Что поделаешь, Джулиус, старость не радость. Теперь что касается всего остального. Коленный хрящ порядком изнашивается, волосные фолликулы атрофируются, верхние поясничные диски уже не те, да и эластичность кожи заметно снизилась: клетки эпителия сдают. Посмотри на эти старческие кератомы на щеках – видишь коричневые бляшки? – Он поднес зеркальце, чтобы Джулиусу было лучше видно. – Их заметно прибавилось с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз. Сколько времени ты проводишь на солнце, старик? Надеюсь, носишь шляпу с широкими полями, как я тебе советовал? Тебе нужно сходить к дерматологу, Джулиус. Сходи к Бобу Кингу, он сидит в соседнем корпусе. Вот его телефон. Знаешь его?

Джулиус кивнул.

– Он может убрать самые неприятные – выжигает жидким азотом. Я сам удалил несколько штук в прошлом месяце. Пустяки – пять-десять минут, и готово. Многие врачи сейчас делают это себе сами. Особенно я хотел бы, чтобы он осмотрел одну у тебя на спине – вот, взгляни, внизу, сбоку на правой лопатке. Она отличается от остальных – пигментация неровная и края нечеткие. Скорее всего ничего страшного, но пусть на всякий случай посмотрит. Договорились, старик?

¹ Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 1. – § 57. – Здесь и далее цитаты из «Мир как воля и представление» приводятся в пер. Ю. Айхенвальда.

«Ничего страшного, но пусть посмотрит» – Джулиус уловил настороженность и деланую небрежность в голосе Херба. Нет, ошибки быть не могло: эта фраза – «пигментация неровная и края нечеткие», – брошенная между своими, была тревожным знаком. Код, шифровка, которая могла означать только одно – серьезное подозрение на меланому. Уже потом, оглядываясь назад, Джулиус понял, что именно с этой фразы, с этого самого момента кончилась его прежняя беззаботная жизнь, и смерть, до того невидимая, предстала перед ним во всем своем отвратительном облики. Смерть пришла насовсем, не собиралась покидать его ни на мгновение, и весь дальнейший кошмар стал лишь эпилогом ее появления.

Боб Кинг когда-то лечился у Джулиуса – как, впрочем, и большинство врачей из Сан-Франциско. Вот уже три десятка лет Джулиус был царь и бог местного психотерапевтического сообщества. Он преподавал в Калифорнийском университете, у него была куча учеников, а пять лет назад он даже успел побывать президентом Американской ассоциации психиатров.

Что касается его репутации, без преувеличения можно было сказать, что это врач божьей милостью, каких поискать, искусный мастер, не щадящий ни сил ни времени ради спасения больного. Вот почему, когда десять лет назад Бобу Кингу срочно потребовалось избавиться от викодановой зависимости – частой проблемы среди врачей по причине его доступности, – Кинг обратился именно к Джулиусу. В тот момент Кинг действительно остро нуждался в помощи: его тяга к викодану стремительно нарастала, семейная жизнь трещала по швам, страдала работа, и вдобавок каждый вечер он был вынужден накачиваться снотворными, чтобы заснуть.

Боб попытался было лечиться частным образом, но двери одна за другой захлопывались перед его носом. Все, к кому он обращался, предлагали ему для начала вступить в профессиональную группу коррекции – предложение, которое Боб решительно отвергал, опасаясь скомпрометировать себя в глазах коллег. Однако его собеседники и слышать ни о чем не хотели: возмись они самостоятельно лечить своего товарища, не прошедшего официального курса лечения, им грозил бы серьезный нагоняй от начальства, если не судебные разбирательства в случае грубой врачебной ошибки подопечного.

Когда Боб уже готов был оставить практику и взять отпуск, чтобы переехать на лечение в другой город, ему пришлось в голову обратиться к Джулиусу. Тот рискнул и взялся вытащить его в одиночку, и хотя лечение шло с большим трудом, как это всегда бывает в подобных случаях, Джулиус три года тянул Боба, не прибегая к помощи групповых программ. В конце концов это так и осталось его профессиональной тайной, какие найдутся у любого психотерапевта, – короче говоря, лечение закончилось успехом, который ни под каким видом не подлежал разглашению.

Выйдя от Херба, Джулиус сел в машину. Сердце колотилось так сильно, что казалось, машина раскачивается из стороны в сторону. Он глубоко вздохнул, чтобы подавить нарастающий страх, потом еще и еще, дрожащими руками взялся за телефон и условился с Бобом Кингом об экстренной встрече.

– Она мне не нравится, – на следующее утро сказал Боб, осматривая спину Джулиуса сквозь большую лупу. – Давай, я возьму зеркало, сам увидишь.

Боб развернул его спиной к зеркалу на стене, а сам взял большое карманное зеркальце с ручкой. Джулиус бросил взгляд на отражение Кинга в зеркале: белобрысый, кровь с молоком, толстые линзы очков на длинном мясистом носу – он вспомнил, как Боб рассказывал ему, что в детстве за этот нос его дразнили «сливой». За последние десять лет он почти не изменился – все такой же нелепо суетливый, как прежде. За то время, что Боб был его пациентом, он ни разу не появился на прием вовремя. Всякий раз, когда он, пытаясь и отдуваясь, вырастал на пороге, Джулиус вспоминал Белого Кролика из «Алисы»: «Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!» С тех пор Кинг немного прибавил в весе, но так и остался коротышкой. В общем,

типичный дерматолог – кто может похвастать, что встречал высокого дерматолога? Джулиус перевел взгляд на его глаза – ой-ой, они встревоженные, зрачки расширены.

– Вот, полюбуйся. – Боб ткнул кончиком карандаша с ластиком на конце. Джулиус взглянул в зеркало. – Вот эта плоская родинка с правой стороны под лопаткой, видишь?

Джулиус кивнул.

Приложив к ней небольшую линейку, Боб продолжил:

– Чуть меньше сантиметра. Помнишь старое доброе правило ABCD из курса дерматологии...

Но Джулиус его прервал:

– Послушай, Боб, я ни черта не помню из дерматологии. Ты уж рассказывай как для идиотов.

– Ну ладно. Итак, правило ABCD гласит: А – это асимметрия. Вот, взгляни. – Он обвел карандашом область пятна. – Она не совсем круглая, как остальные у тебя на спине – вот эта или эта. – Он показал на два соседних пятнышка. Джулиус глубоко вздохнул, чтобы снять напряжение. – В – это бока, границы. Вот тут, хотя здесь не так хорошо видно. – Боб снова указал на пятно под лопаткой. – Видишь, в верхней части край четкий, а вот здесь, в середине, он расплывчатый и почти сливается с кожей. С – это цвет. Вот здесь, сбоку, она светло-коричневая, но под увеличительным стеклом видны красные, черные и даже серые участки. D – диаметр. Как я уже сказал, где-то семь восьмых сантиметра. Это нормально, но мы не знаем, сколько времени назад она появилась, то есть как быстро она растет. Херб Катц говорит, что в прошлом году ее еще не было. И наконец, под стеклом в центре четко видно изъязвление. – Он отложил зеркальце. – Можешь одеваться, Джулиус.

Дождавшись, когда пациент застегнет рубашку, Кинг присел на табуретку посреди смотровой и начал:

– Ну, что ж, Джулиус, ты сам все понимаешь. Поводы для беспокойства налицо.

– Послушай, Боб, – ответил Джулиус, – я понимаю, наши прежние отношения мешают тебе изъясняться по-человечески, но прошу тебя, не заставляй меня делать твою работу. Не думай, будто я в этом что-нибудь соображаю. Пойми, я сейчас в ужасе на грани паники. Я хочу, чтобы ты отнесся к этому делу серьезно, был со мной предельно честен и занялся этим, как когда-то я с тобой. И, черт тебя побери, Боб, смотри мне в глаза. Когда ты отводишь взгляд, мне страшно до смерти.

– Хорошо, прости, старик. – Боб посмотрел Джулиусу в глаза. – Ты мне действительно помог тогда, и теперь я сделаю то же самое. – Он откашлялся. – Ну, что ж, Джулиус, учитывая симптоматику, я склонен думать, что это действительно меланома. – Заметив, как вздрогнул Джулиус, Боб поспешил добавить: – Хотя сам по себе диагноз еще ничего не значит. Большинство – заметь себе, большинство – меланом поддаются лечению, хотя, надо признать, попадают и весьма коварные штучки. Для начала нам нужно обратиться к патологу, мы должны знать, действительно ли это меланома, насколько глубоко она успела внедриться и как быстро растет, поэтому для начала мы сделаем биопсию и отдадим патологу. Потом я приглашу хирурга, чтобы он осмотрел пятно, и сам буду рядом. Затем осмотр замороженного образца у патолога, и если *ответ отрицательный, тогда все отлично – мы закрываем дело*. Если положительный и это действительно меланома, тогда мы удаляем наиболее подозрительный узел и, если нужно, делаем повторную резекцию. Никакой госпитализации – всю процедуру проводим в хирургическом отделении. Я почти уверен, что пересадки кожи не потребуется. Самое страшное – пропустишь денек на работе, ну и походишь несколько дней на перевязку. Все, больше я тебе ничего сказать не могу, пока не получим результатов биопсии. Раз ты меня попросил, я за это возьмусь. Можешь на меня положиться, в моей практике были сотни подобных случаев. Хорошо? Моя медсестра позвонит тебе сегодня и все объяснит – время, место и прочее. Договорились?

Джулиус кивнул. Оба поднялись.

– Мне очень жаль, старина, – сказал Боб. – Я бы рад тебя от всего этого избавить, но не могу. – Он протянул Джулиусу информационный буклет. – Знаю, тебе это не понравится, но я всегда предлагаю его в таких случаях. Конечно, все реагируют по-разному: на кого-то действует успокаивающе, другие выбрасывают в мусорку за дверь. Надеюсь, в следующий раз у меня будут для тебя новости получше.

Но новостей получше так и не появилось – дальше было только хуже. Через три дня после биопсии они встретились снова.

– Хочешь прочесть сам? – спросил Боб, протягивая ему заключение патолога. Джулиус мотнул головой, поэтому Боб в очередной раз пробежался глазами по бумажке и начал: – Тогда слушай. Новости не очень утешительные. В общем, это действительно меланома, и у нее имеется... э-э-э... несколько специфических признаков, на которые стоит обратить внимание: она довольно крупная, больше четырех миллиметров в глубину, изъязвленная, с пятью четко выраженными узлами.

– Погоди-погоди, Боб, я ни черта не понимаю. «Специфических», «четыре миллиметра», «изъязвленная», «пять узлов»? Что ты ходишь вокруг да около? Ты можешь объяснить по-человечески, что все это значит?

– У нас плохие новости, Джулиус, вот что это значит. Твоя меланома достигла порядочного размера и находится на стадии образования узлов. Опасность в том, что она может разнестись по всему организму, но об этом мы сможем судить только по компьютерной томографии, которую я назначил на завтра в восемь.

Через два дня они продолжили беседу. Боб доложил, что компьютерная томография дала отрицательный результат – никаких признаков распространения по организму. Первое обнадеживающее известие.

– И тем не менее, Джулиус, это опасная меланома.

– Насколько опасная? – Голос Джулиуса дрогнул. – Что ты имеешь в виду? Какова вероятность летального исхода?

– Видишь ли, тут можно говорить только об общей статистике. У всех протекает по-разному. Изъязвленная меланома глубиной четыре миллиметра с пятью узлами – в среднем, это пять лет жизни менее чем в двадцати пяти процентах случаев.

Несколько минут Джулиус сидел, опустив голову, сердце колотилось, в глазах стояли слезы. Наконец он произнес:

– Что ж, спасибо за откровенность. Продолжай. Я должен знать, что скажу своим пациентам. Сколько я протяну? Что меня ждет дальше?

– Сейчас ничего нельзя сказать определенно, Джулиус, – до тех пор, пока твоя меланома не объявится где-нибудь в другом месте. Если это произойдет, особенно если она начнет метастазировать, тогда все может закончиться очень быстро – за несколько недель или месяцев. А что касается твоих пациентов, пока сложно сказать, но, я думаю, минимум год ты можешь ни о чем не беспокоиться.

Джулиус, не поднимая головы, медленно кивнул.

– Где твои родственники, Джулиус? Почему ты никого с собой не привел?

– Жена умерла десять лет назад, ты же знаешь. Сын на Восточном побережье, а дочка в Санта-Барбаре. Я им не сообщал – не хотел тревожить раньше времени. Терпеть не могу жаловаться на болячки, хотя уверен, дочка примчится сразу, как только узнает.

– Мне очень жаль, что все так вышло, Джулиус. Хочу немного тебя утешить. Видишь ли, сейчас активно занимаются этой проблемой, у нас и за границей. В последние десять лет заболеваемость меланомой резко подскочила, почти удвоилась, так что сейчас это актуально как никогда. Кто знает – может, мы уже стоим на пороге открытия.

Всю следующую неделю Джулиус жил как во сне. Его дочь Эвелин, преподаватель античной филологии, спешно отменила занятия и на несколько дней вернулась домой. Сначала он обстоятельно побеседовал с ней, потом с сыном, с сестрой, братом и близкими друзьями. Каждую ночь в три он просыпался от ужаса, плача и задыхаясь. Свои занятия с группой и частными клиентами он отменил на две недели и теперь подолгу размышлял, что и как им сказать.

Зеркало отказывалось подтверждать, что он видит перед собой человека на краю могилы. От ежедневных пробежек его тело было молодым и упругим – ни капли жира. Вокруг глаз и рта всего несколько незаметных морщинок. Совсем немного – у его отца их не было вообще до самой смерти. Зеленые глаза. Джулиус всегда ими гордился – спокойные, честные глаза. Глаза, располагающие к доверию, способные выдержать любой взгляд. Совсем молодые – точно такие же, как когда-то были у шестнадцатилетнего Джулиуса. Смертельно больной старик и шестнадцатилетний подросток пристально вглядывались друг в друга, и между ними лежала пропасть в десятилетия.

Он смотрел на свои губы. Полные, добродушные губы, даже сейчас, в пору отчаяния, готовые расплыться в жизнерадостной улыбке. Шапка черных непослушных волос, только на висках посеребренных сединой. Когда-то давно, в Бронксе, когда он был мальчишкой, седой старик-парикмахер, антисемит с багровым лицом, державший лавочку между кондитерской Майера и мясником Моррисом, на чем свет бранился, продираясь металлической расческой сквозь эти густые космы и орудуя ножницами для прореживания волос. А теперь уже нет ни Майера, ни Морриса, ни старика-парикмахера, да и шестнадцатилетний подросток Джулиус сам в черном списке смерти.

В один из таких дней он попытался было взбодриться, почитав о меланоме в университетской библиотеке, но, как выяснилось, совершенно напрасно. Хуже, чем напрасно, – картина стала еще мрачнее. Чем больше он узнавал про свою болезнь, тем настойчивее меланома являлась ему в образе ненасытного чудовища, что запустило в тело свои мерзкие щупальца. Как странно осознавать, что он больше не является совершенной биологической формой. Теперь он прибежище паразита, питательная среда, средство существования неразборчивой твари, чьи прожорливые клетки размножаются с головокружительной скоростью, коварного врага, нанесшего вероломный удар ему в спину, безжалостно захватившего область смежной протоплазмы и теперь, без сомнения, готовившего новые отряды десанта, чтобы высадить их в его кровеносную систему и колонизировать отдаленные органы – может быть, уже нацеливаясь на нежные, сочные поляны его печени или мягкие заливные луга легких.

Он забросил чтение. Прошло больше недели, пора выходить из ступора. Настало время взглянуть правде в глаза. Сядь, Джулиус, сказал он себе, сядь и подумай о смерти. Он закрыл глаза.

Итак, подумал он, смерть все-таки решила появиться на сцене. Но что за идиотский антураж. Занавес, нелепо отдернутый коротышкой-дерматологом в белом больничном халате с синими буквами на нагрудном кармане, с лупой в руках и сливой вместо носа.

А заключительная сцена? Надо полагать, получится не менее банально. Костюм? Мятая ночная сорочка в полоску с эмблемой «Нью-Йоркских Янки» и цифрой 5, номером Димаджио, на спине. Декорации? Старая необъятная кровать, верой и правдой служившая ему вот уже тридцать лет, смятые простыни на кресле, на тумбочке – стопка непрочитанных романов, еще не догадывающихся о том, что их время никогда не наступит. Сопливый, неутешительный финал. Нет, думал Джулиус, его яркая, наполненная жизнь заслуживает более... более... чего?

Неожиданно ему вспомнилась картинка, которую он наблюдал несколько месяцев назад, когда отдыхал на Гавайях. Однажды, гуляя по окрестностям, он набрел на буддистский центр и увидел за оградой молодую женщину, которая ходила по спиральному лабиринту, выложенному лавовыми камушками. Дойдя до центра, она остановилась и надолго замерла в медита-

ции. Джулиуса всегда тошнило от религиозных церемоний; отношение его располагалось где-то между насмешкой и безразличностью.

Но теперь, думая об этой молодой женщине, он больше не испытывал к ней неприязни. Напротив, теперь его переполняло сострадание – и к ней, и к остальным собратям, ставшим, как и он, жертвами легкомысленной эволюции, из собственной прихоти наделяющей несчастных сознанием и не заботящейся о том, чтобы снабдить их психологическим механизмом защиты от страданий бренного бытия. А потому мы год за годом, веками, тысячелетиями с редким упорством продолжаем воздвигать одно доморощенное доказательство собственного бессмертия за другим. Когда же мы, каждый из нас, перестанем искать ту неведомую высшую силу, слившись с которой можно было бы, наконец, обеспечить себе вечность? Когда перестанем вымалывать у небес подробные наставления на путь истинный, цепляться за краешек чей-то большой одежды, плодить все новые церемонии и обряды?

И все же, пытаясь представить свое имя в списках умерших, он подумал, что скромная церемония была бы, пожалуй, нелишней. Правда, он тут же поспешил откреститься от этой мысли – уж слишком не вязалась она с презрением, которое он всю жизнь питал к ритуальным играм любого рода. Его всегда раздражал тот набор средств, которыми религии облапошивают своих последователей: все эти пышные одеяния, фимиамы, священные книги, усыпляющие григорианские песнопения, молитвенные колеса, молитвенные коврики, платки и тюбетейки, епископские митры и посохи, эти хлеб и вино, соборования, головы, что кивают, как болванчики, тела, что раскачиваются в такт заунывным мотивам, – все это он считал частью одной большой и затянувшейся игры, затеянной только для того, чтобы позволить одним помыкать, а другим пресмыкаться.

Однако теперь, когда смерть подошла совсем близко, Джулиус начал замечать, что его прежняя нетерпимость стала терять остроту. Может, отвращение вызывал лишь *навязанный* ритуал, а какая-нибудь скромная неформальная церемония – вовсе не так уж плохо? Теперь его до слез трогали заметки в газетах о том, как пожарные в Нью-Йорке, разбирая завалы на месте башен-близнецов, прекращали работу и снимали каски всякий раз, когда очередные останки жертв выносили наружу. Нет ничего плохого в том, чтобы почтить память умерших... нет! – воздать должное жизни тех, кого уже нет. Но только ли в этом дело? Только ли в почтении, только ли в обряде? Или то была солидарность, признание своей связи с каждой жертвой – нашей общей связи, всех и со всеми?

Джулиус и сам недавно испытал нечто подобное. Это случилось вскоре после того памятного разговора у дерматолога, на собрании коллег-психотерапевтов. Его товарищи были потрясены известием. Они заставили Джулиуса выложить все от начала до конца и, внимательно выслушав, заговорили о своей печали и потрясении. В какой-то момент ни у кого не осталось больше слов. Пару раз кто-то пытался что-то сказать, но не мог – всем вдруг сделалось ясно, что слова не нужны. Последние двадцать минут все просто сидели молча. Обычно от долгих пауз становится неловко, но на этот раз все было по-другому. В том молчании было что-то почти приятное. Джулиус не без удивления признался самому себе, что тишина казалась почти «священной». Потом он понял: члены группы не просто выражали горе – они снимали шляпы, они стояли навтыжку в знак уважения к его жизни.

А может, собственной жизни, подумал Джулиус. Что еще у нас есть? Что еще, кроме этого удивительного, блаженного мига сознания и бытия? Если что и должно вызывать в нас священный трепет – только этот бесценный дар абсолютной и чистой реальности. Лить слезы оттого, что жизнь не вечна, что в ней нет смысла или раз и навсегда заведенного порядка, – ослиная неблагодарность. Выдумывать себе всемогущего Бога, чтобы всю жизнь ползать перед ним на коленях, – бессмысленно. И вдобавок расточительно: изливать любовь на призрачные химеры, когда ее недостает живым, – не чересчур ли щедро? Не лучше ли последовать примеру

Спинозы и Эйнштейна – склонить голову перед непостижимым таинством природы, почтительно ей поклониться и преспокойно жить в свое удовольствие?

Нельзя сказать, чтобы Джулиуса впервые посещали эти мысли, – он, конечно, и раньше знал, что сознание конечно и обречено рано или поздно исчезнуть. Но есть существенная разница между *знать* и *знать*. Появление смерти приблизило его к настоящему знанию. Не то чтобы он вдруг, в единый миг, стал мудрее; просто теперь, когда многое из того, что раньше мешало ему видеть главное – карьера, любовь, деньги, признание, слава, – исчезло, его взгляд приобрел ясность. Может быть, об этой отстраненности и говорил Будда? Как бы там ни было, лично он предпочитал подход греков: все хорошо в меру. Жить с постной миной, застегнутым на все пуговицы, – верный способ пропустить самое главное на празднике жизни. Стоит ли спешить к выходу, не дождавшись последнего занавеса?

Через несколько дней, когда Джулиус немного успокоился и приступы паники стали возникать все реже, он смог, наконец, задуматься о будущем. Боб Кинг сказал «один год» – «сложно сказать, но, я думаю, как минимум год ты можешь ни о чем не беспокоиться». Как прожить этот год? Первым делом, решил Джулиус, не стоит превращать этот хороший год в плохой только из-за того, что это лишь год и не более.

Однажды ночью, не в силах заснуть и желая хоть чем-нибудь отвлечься, он рассеянно перебирал книги в своей библиотеке. Он уже успел просмотреть все, что было написано в его области, но так и не нашел ничего, что хоть как-то подходило к его теперешнему состоянию. Нигде не говорилось, как следует жить, в чем искать опору, когда тебе остались считанные дни. Неожиданно ему на глаза попала старая потрепанная книжка Ницше «Так говорил Заратустра». Джулиус был знаком с ней слишком хорошо: как-то, много лет назад, работая над статьей, посвященной серьезному, но, увы, непризнанному влиянию Ницше на Фрейда, он проштудировал ее вдоль и поперек. Сильная книга, больше других учившая любить и ценить жизнь. Да, здесь мог быть спасительный ключик. Слишком взвинченный, чтобы читать все подряд, он принялся перелистывать страницы, выхватывая наугад места, которые сам когда-то подчеркнул.

«Изменить «так было» на «так я хотел» – вот что я готов назвать истинным спасением».

Применительно к его теперешнему положению эта идея Ницше могла означать только одно: он обязан был сам выбрать свою жизнь, *прожить* ее, вместо того чтобы позволить ей сделать это за него. Иными словами, он обязан был возлюбить свою судьбу. Он вспомнил любимый вопрос Заратустры: захотел бы ты жизнь, которую сейчас живешь и жил доньше, прожить еще раз, а потом еще и еще, и так до бесконечности? Любопытный мысленный эксперимент – и все же, чем дольше Джулиус об этом раздумывал, тем яснее понимал, что хотел сказать Ницше: да, нужно проживать свою жизнь так, чтобы хотелось повторять ее снова и снова.

Он полистал еще. Две фразы, жирно обведенные ярко-розовыми чернилами, привлекли его внимание: «Живи свою жизнь», «Умирай в нужное время».

Вот именно! Сначала получи от жизни все, а уж потом – и только потом – умирай. Не оставляя за собой ни капли непрожитой жизни. Джулиус часто сравнивал Ницше с тестом Роршаха: оба так пестрили противоречиями, что оставалось только выбрать – бери что душе угодно. Теперь его душе угодно было нечто совершенно особое: близость смерти изменила процесс чтения, наполнила его новым смыслом: листая книгу, он буквально на каждой странице обнаруживал теперь свидетельства пантеистического единства, которых не замечал раньше. Как Заратустра ни превозносил, как ни возвеличивал свое одиночество, как ни нуждался в уединении, чтобы дать выход своим великим мыслям, он все же искренне любил людей, стремился помочь им стать лучше, выше, встать с коленей, вырваться из узких рамок, спешил поделиться с ними собственной зрелостью. Вот именно – *поделиться собственной зрелостью*.

Поставив «Заратустру» на место, Джулиус еще посидел в темноте, обдумывая слова Ницше и провожая глазами огоньки машин, бегущих по мосту Золотые Ворота. Через несколько минут его «осенило»: он понял, что будет делать, как проживет свой последний год. *Он будет жить его точно так же, как прожил свой прошлый год – и позапрошлый год, и позапозапрошлый.* Он любил свою работу, любил общаться с людьми, пробуждать в их жизни что-то новое. Конечно, это могло быть бегством от потери жены; может, ему требовались аплодисменты, признание, благодарность тех, кому он помог. Хорошо, пусть так, пусть не совсем бескорыстно, но он был благодарен своей работе. Благослови ее Бог!

Джулиус подошел к своей картотеке, занимавшей целую стену, и выдвинул ящик, где хранились старые медицинские карты и магнитофонные записи бесед. Он пробежался по корешкам – каждый был свидетелем мучительной драмы, что когда-то разыгрывалась здесь, в этих самых стенах. Он принялся их перебирать. Лица одних мгновенно возникали перед ним, другие забылись, и требовалось заглянуть в записи, чтобы освежить память, третьи совершенно стерлись – их лица, истории болезни, – все навсегда утрачено.

Как и большинство коллег, Джулиус регулярно терпел удары, сыпавшиеся со всех сторон на терапию как таковую. Изошрялись все кому не лень: фармацевтические компании и клиники с их скоропалительными заключениями, заранее состряпанными в пользу какой-нибудь новоявленной панацеи или суперметода лечения; журналисты, никогда не упускавшие случая выставить психотерапию в самом нелепом свете; бихевиористы, публичные лекторы и целая армия новомодных целителей и шаманов всех мастей, сражавшихся за сердца и умы страждущего человечества. Не обходилось, конечно, и без внутренних сомнений: революционные открытия в молекулярной нейробиологии, с поразительной частотой потрясавшие ученый мир, порой заставляли даже самых искушенных профессионалов сомневаться в своей правоте.

Джулиус тоже не был застрахован от подобных приступов, частенько тонул в сомнениях относительно эффективности собственных методов лечения и всякий раз успокаивал себя и убеждал в обратном. *Конечно же, он хороший доктор. Конечно, он знает, как помочь своим пациентам, и помог большинству из них – может быть, даже всем без исключения.*

Однако червь сомнений не унимался: *А ты уверен, что действительно помог своим пациентам? Может быть, ты просто понадегдал таких, которые пошли бы на поправку и без тебя?*

Нет, это не так! Разве я не брался за самые тяжелые случаи?

А ты часом не перетрудился? Вспомни, когда в последний раз ты выкладывался по полной? Что-то я не припомню, чтобы ты взялся хоть за одного по-настоящему тяжелого больного. За пограничную умственную отсталость, например? Или за биполярного? Запущенного шизофреника?

Перебирая карты, Джулиус подивился, как много, оказывается, сохранилось у него о каждом клиенте: наблюдения о постлечебном контроле и сеансах коррекции, воспоминания о случайных встречах с бывшими пациентами, их собственные письма, переданные со знакомыми, которых они позже рекомендовали Джулиусу. И все-таки был ли долговременный эффект от его терапии? Или его клиенты получали только временное облегчение? Может, большинство из тех, кого он считал успешным, на самом деле сталкивались потом с рецидивами и скрывали это от него из жалости?

Он подошел к ящику, где хранились его неудачи – публика, как он всегда считал, не созревшая для его суперсовременных методов лечения. Постой, Джулиус, сказал он себе, погоди. Откуда ты знаешь, что эти случаи действительно закончились неудачей? Полным и окончательным провалом? Ты же их с тех пор не видел. Ведь встречаются тугодумы, до которых доходит как до утки на третьи сутки.

Его взгляд скользнул по пухлому делу Филипа Слейта. Ты хотел неудачу? – усмехнулся он. Вот тебе неудача. Высший класс. Филип Слейт. Больше двадцати лет прошло с тех пор, а Филип Слейт и сейчас стоял перед ним как живой. Светло-каштановые волосы аккуратно зачесаны назад, точеный нос, широкие скулы – признак породы, и живые зеленые глаза, которые всегда напоминали Джулиусу Карибское море. Он вспомнил, что на сеансах с Филипом его раздражало буквально все. Все, кроме одного – было истинное удовольствие видеть перед собой это лицо.

Филип Слейт был так откровенно равнодушен к собственной персоне, что ему никогда не приходило в голову заглянуть внутрь себя. Он предпочитал беззаботно скользить по волнам жизни, целиком отдаваясь одному-единственному занятию – сексу, благо из-за его смазливой внешности в добровольцах недостатка не было. Джулиус покачал головой, пробегая глазами карту Филипа: три года на установление контакта, заботы, тревоги, переживания, все эти бесконечные многочасовые «проработки» – и ни с места. Поразительно. Может, он все-таки напрасно мнил себя столь замечательным психотерапевтом?

Постой-постой, Джулиус, сказал он себе, не стоит спешить с выводами. Зачем бы иначе Филип стал ходить к тебе эти три года? Разве стал бы он выбрасывать на ветер целую кучу денег, если бы не получал ничего взамен? А уж Филип Слейт терпеть не мог тратить свои денежки, это факт. Может, твои сеансы все-таки ему помогли? Может, Филип был той самой уткой? Одним из тех медлительных тугодумов, которые старательно распикивают твои рекомендации по карманам, несут их домой и потом уж втихомолку обглаживают, как лакомую косточку? Джулиусу встречались и такие заносчивые типы, которые нарочно скрывали положительные результаты, чтобы, не дай бог, не доставить врачу удовольствие от неплохо сделанной работы – и тем самым признать его власть над собой.

Филип Слейт влез в его память, и теперь Джулиус никак не мог от него отделаться. Тот основательно окопался и не желал вылезать. Совсем как меланома. Постепенно неудача с Филипом стала казаться Джулиусу олицетворением *всех* его профессиональных неудач. В деле Филипа Слейта определенно было что-то особенное. Но что именно? Джулиус открыл карту и прочел самые первые наблюдения, сделанные двадцать пять лет назад.

Филип Слейт – 11 дек. 1980 г.

26 л., неженат, белый, химик, работает в компании «Дю Пон» – разрабатывает пестициды. Удивительно хорош собой, одет небрежно, но держится с достоинством, тон холодный, сидит напряженно, почти неподвижно, никаких чувств, серьезен, полное отсутствие юмора, не улыбается, говорит только по делу, абсолютно некоммуникабелен. Направлен участковым врачом, д-ром Вудом.

ОСНОВНАЯ ЖАЛОБА: *«Не могу управлять своими сексуальными желаниями».*

Почему обратился именно сейчас? «Последняя капля» – эпизод недельной давности, рассказывает, как по бумажке.

«Я прилетел в Чикаго по делам. Сойдя с самолета, направился к ближайшей телефонной будке и стал обзванивать знакомых женщин, с которыми можно было бы переспать этой ночью. Увы. Все были заняты. Этого и следовало ожидать – пятница, вечер. Я же знал, что лечу в Чикаго. Почему не позвонил им заранее? Когда мой список подошел к концу, я повесил трубку и сказал себе: «Слава богу, сегодня я смогу спокойно почитать и хорошенько выспаться – о чем я на самом деле и мечтал все это время».

Пациент говорит, что эта странная фраза – «о чем я на самом деле и мечтал все это время» – целую неделю не давала ему покоя и послужила толчком обратиться к врачу. «Вот что меня беспокоит, – говорит он. – Если

я хочу только одного – почитать и как следует выспаться, объясните мне, доктор Хертицфельд, почему я не могу, почему я этого не делаю?»

Постепенно Джулиус вспоминал все новые подробности знакомства с Филипом Слейтом. Филип всерьез интересовал его с научной точки зрения. Дело в том, что как раз в это время Джулиус работал над вопросом силы воли в психотерапии, и слова Филипа – *почему я не могу делать то, что хочу?* – могли послужить великолепным началом для его статьи. Но больше всего ему запомнилась фантастическая твердолобость Филипа: после трех лет занятий он нисколько не переменился, оставался точно таким же, как был вначале, – и все так же страдал от сексуальной озабоченности.

Что стало с Филипом Слейтом? Ни слуху ни духу от него, с тех пор как он резко соскочил тогда, двадцать два года назад. И снова у Джулиуса промелькнула надежда, что, возможно, несмотря ни на что, он все-таки помог Филипу. Внезапно им овладело нетерпение: он должен знать, сию же минуту – вопрос жизни и смерти. Он схватил телефон и набрал 411.

Глава 2

Восторг слияния! Вот в чем истинная суть, средоточие, цель и назначение бытия².

– Алло, это Филип Слейт?

– Да, Филип Слейт слушает.

– Это доктор Хертицфельд, Джулиус Хертицфельд.

– Джулиус Хертицфельд?

– Голос из прошлого.

– Далекого прошлого. Из плейстоцена. Джулиус Хертицфельд! Поверить не могу. Это сколько же?.. Лет двадцать прошло? И чем обязан?

– Видишь ли, Филип, я звоню по поводу оплаты. По-моему, ты мне остался должен за последнюю встречу.

– Что? За последнюю встречу? Но я же помню...

– Шутка, Филип, расслабься. Забыл старика? Балуюсь по старой памяти. Седина в бороде... Ладно, если серьезно, я звоню тебе вот по какому делу. Видишь ли, у меня появились кое-какие проблемы со здоровьем, начинаю подумывать о пенсии. Так вот, я размышлял тут на досуге и подумал, неплохо было бы встретиться с бывшими пациентами – устроить нечто вроде посттерапевтической беседы – так, ради собственного интереса. Потом объясню подробнее, если захочешь. В общем, я вот что хотел тебя спросить: не могли бы мы с тобой повидаться? Побеседовать часок, вспомнить нашу работу, поболтать, как и что? Это было бы интересно и полезно для меня – а может, и для тебя тоже.

– Гм... часок. Что ж, я не против. Надеюсь, это бесплатно?

– Если не захочешь выставить мне счет – это же я прошу твоего времени. Может, на этой неделе, скажем, в пятницу после обеда?

– В пятницу? Идет. В час дня. Я не стану брать с вас за услуги, доктор Хертицфельд, но на этот раз мы встретимся на моей территории. Я сижу на Юнион-стрит – 4-31 Юнион-стрит, возле Франклин. Найдете номер офиса на указателе – «доктор Слейт». Я теперь тоже терапевт.

Джулиус поежился, вешая трубку. Он развернул кресло и вытянул шею, чтобы увидеть хоть краешек моста – после такого разговора ему срочно требовалось посмотреть на что-нибудь красивое. Да, и еще держать что-нибудь теплое в руках. Он набил пенковую трубку «Балканским Собранием», чиркнул спичкой и затянулся.

Боже мой, боже, старушка латакия, этот терпкий медвяный аромат – что может быть лучше на свете? Невероятно – он столько лет не курил. Им овладела мечтательность. Он вспомнил тот день, когда бросил курить. Должно быть, сразу после памятного визита к зубному, старику-соседу Денбоеру, который умер двадцать лет назад. Двадцать лет – неужели столько времени прошло? Джулиус как сейчас видел перед собой длиннущее голландское лицо и очки в золотой оправе. Старик Денбоер под землей вот уже двадцать лет, а Джулиус все еще коптит небо. Пока.

«Это уплотнение на нёбе мне совсем не нравится. – Денбоер слегка покачал головой. – Нужно сделать биопсию». И хотя биопсия дала отрицательный результат, Джулиус не на шутку встревожился – как раз на той неделе он похоронил Эла, своего старинного приятеля по корту, заядлого курильщика, сгоревшего от рака легких. Не последнюю роль сыграло и то, что в это

² Arthur Schopenhauer. Manuscript Remains in Four Volumes, ed. Arthur Hubscher. – Oxford: Berg Publishers, 1988–1990. – Vol. 3. – P. 262. – § 111.

же время он читал воспоминания Макса Шура, личного врача Фрейда, где автор, не скупясь на подробности, расписывал, как раковая опухоль – результат неистребимой любви Фрейда к сигарам – последовательно уничтожила сначала его нёбо, затем челюсть, а потом и саму жизнь. Шур пообещал Фрейду, что, когда придет время, он поможет ему умереть, и когда в конце концов Фрейд объявил, что боль сделалась такой невыносимой, что тянуть больше нет смысла, Шур доказал, что он человек слова, и вколол пациенту смертельную дозу морфия. Вот *это* был доктор. Много ли найдется таких Шуров в наши дни?

Двадцать с лишним лет без единой затяжки. А также без яиц, сыра и животных жиров. В общем, пост и воздержание – и никаких проблем. До того самого чертова осмотра. Теперь ему разрешено все – курево, мороженое, лишнее ребрышко, яйца, сыр... все. Какой смысл теперь думать об этом? Какой смысл во всем? Через год-другой Джулиуса Хертцфельда бросят в землю на съедение червям, и его молекулы разбредутся в поисках новых соединений. А через какую-нибудь пару-тройку миллионов лет и от Солнечной системы ничего не останется.

Чувствуя, как вновь спускается завеса отчаяния, он усилием воли заставил себя вернуться к настоящему. Итак, Филип Слейт стал терапевтом. Невероятно. Замороженный, способный думать только о себе – и, судя по звонку, он мало изменился. Джулиус затянулся и недоверчиво покачал головой, потом снова взял дело Филипа и продолжил читать то, что надиктовал после первой беседы.

ОСНОВНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ – навязчивые сексуальные желания с 13 лет, усиленная мастурбация с подросткового возраста до настоящего времени – иногда по четыре-пять раз в день, постоянно думает о сексе, мастурбирует, чтобы снять напряжение. Мысли о сексе отнимают большую часть времени. Сам признается: «за то время, что я потратил на эсэницин, я спокойно мог бы защитить кандидатскую по философии, выучить китайский язык и астрофизику».

ОТНОШЕНИЯ С ЛЮДЬМИ: одиночка. Живет один с собакой в маленькой квартире. Друзей нет. Один как перст. То же с друзьями по школе и университету – абсолютно по нулям. Длительных связей с эсэницинами никогда не имеет – сознательно уходит от серьезных отношений, предпочитает переспать единожды, несколько раз имел более продолжительные связи, около месяца, но в таких случаях первой обычно уходит эсэницина – либо требует более серьезных отношений, либо недовольна, что ее используют, либо ей не нравятся его связи с другими. Постоянно ищет новизны – навязчивое желание одерживать победы, но полного удовлетворения не достигает никогда. Иногда в каком-нибудь городе знакомится с эсэничиной, вступает с ней в контакт, бросает ее и уже через час съезжает из гостиницы, чтобы пуститься в новые поиски. Ведет записи своих побед и за последний год переспал с девяноста эсэницинами. Говорит об этом совершенно равнодушно – не стыдится, но и не хвастает. По вечерам, если остается один, начинает испытывать беспокойство. Обычно секс действует, как валиум. Если же переспит с эсэничиной, успокаивается и весь вечер может спокойно читать. Никаких гомосексуальных проявлений или фантазий.

Что считает удачным днем? Освободиться пораньше, подцепить девицу где-нибудь в баре, переспать с ней (лучше до ужина), по-быстрому отвязаться, желательнее так, чтобы не приглашать на ужин (чаще не удается). Основное желание – поскорее вырваться на свободу, чтобы почитать или пораньше улечься спать. Никакого телевизора, кино, друзей или спорта. Единственное, что увлекает, – книги и классическая музыка. Запоем читает классику, историю и философию – никакой беллетристики, ничего современного. С жаром рассуждает о Зеноне и Аристархе – его теперешнее увлечение.

БИОГРАФИЯ: родился и вырос в Коннектикуте, единственный ребенок, семья состоятельная. Отец владелец инвестиционного банка, покончил жизнь самоубийством, когда Филипу было 13. Об обстоятельствах и причинах ничего не знает – возможно, довели придирки матери. Явная детская амнезия – почти ничего не помнит о раннем детстве и совсем ничего – о похоронах отца. Мать снова вышла замуж, когда ему было 24. В школе держался особняком, с головой в учебе, друзей не было, с 17 лет, после поступления в Йель, порвал всякие отношения с родными. Звонит матери один-два раза в год, отчима в глаза не видел.

РАБОТА: преуспевающий химик – разрабатывает гормональные пестициды для «Дю Пон». Строго нормированный рабочий день, с восьми до пяти, от работы не в восторге, в последнее время заскучал. Следит за новинками в своей области, но только во время работы. Хорошая зарплата плюс премии. Жуткий скряга – обожает подсчитывать свои доходы и играет на бирже, поэтому обеденные перерывы проводит в одиночку, просматривая биржевые колонки в газетах.

ВНЕШНЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ: шизоидный тип, сексуально озабочен, очень зажат – в глаза не смотрит, ни разу не взглянул на меня, избегает личного контакта – ощущение, что вообще не знает, как строить отношения; от моего неожиданного вопроса, какое впечатление я на него произвожу, удивился до крайности – как будто я говорю на каталонском или суахили. Очень напряжен, так что даже я чувствовал себя неловко. Чувство юмора на нуле. Блестяще образован, мысли излагает ясно, но буквально каждую мелочь приходится тянуть клещами – я даже взмок. Крайне обеспокоен стоимостью лечения (хотя свободно может это себе позволить). Попросил снизить оплату, но я отказался. Был очень недоволен тем, что мы начали на пару минут позже, и не постеснялся спросить, продлю ли я сеанс, – трясется за свой кошелек. Дважды осведомился, за сколько дней он должен предупредить меня, что прекращает лечение, – чтобы, не дай бог, не переплатить.

Захлопнув папку, Джулиус задумался: «Значит, теперь, двадцать пять лет спустя, Филип Слейт стал терапевтом. Что может быть нелепей? Судя по всему, он ничуть не изменился: по-прежнему не понимает шуток и все такой же скряга (дернул же меня черт пошутить про оплату). Психотерапевт без чувства юмора? И такая ледышка? А эта просьба – «встретиться на его территории». Джулиус снова поежился.

Глава 3

Жизнь – прескверная штука. Я решил посвятить всего себя обдумыванию этого вопроса³.

На Юнион-стрит радостно светило солнце. Столики под навесами ресторанчиков и пиццерий заполнила обедающая публика, слышался оживленный гул голосов и треньканье посуды. Яркие голубые и розовые шарiki реяли над счетчиками парковок, зазывая на открытую воскресную распродажу. Джулиус шагнул на встречу с Филипом, не обращая внимания ни на публику за столиками, ни на уличные прилавки, заваленные грудami залежавшегося модельного хлама. Он даже не задержался у своих любимых витрин – перед антикварной лавкой японской мебели и у тибетского магазинчика, и, вопреки обыкновению, даже не взглянул на лавчонку с азиатскими безделушками, мимо которой редко проходил без того, чтобы не бросить восхищенный взгляд на затейливую черепицу с изображением сказочной восточной дивы в доспехах.

Нет, он не думал о смерти: Филип Слейт задал ему столько загадок, что даже мрачные мысли временно отошли на задний план. Как это вышло, что Филип вдруг с такой отчетливостью всплыл в памяти? Где он был все эти годы – его лицо, имя, история? Волей-неволей приходилось признать, что нейрохимия обошлась без Джулиуса, сохранив всю историю его отношений с Филипом на подкорке. Скорее всего Филип преспокойно сидел все это время в каком-нибудь клубке нейронов и ждал своего часа, чтобы, при первых звуках сигнала, мгновенно очнуться ото сна и отбросить свое изображение на призрачный экран его зрительной коры. Джулиус неуютно поежился при мысли о таинственном кинемеханике, который сидит в его мозгу и запускает свою дьявольскую машинку, когда ему вздумается.

Но куда непонятнее, с какой стати он решил вдруг встретиться с Филипом? Почему он вытащил на свет не кого-нибудь, а именно Филипа? Может, потому, что история с Филипом закончилась таким оглушительным провалом? Вряд ли. В конце концов, Филип был не единственным пациентом, которому так и не удалось помочь, и тем не менее другие благополучно стерлись из памяти без следа. А может, он вспомнил Филипа, потому что остальные неудачники быстро забрасывали лечение, тогда как Филип продолжал упрямо ходить? Бог мой, и как ходить. За три выматывающих года не пропустил ни одного сеанса, ни разу не опоздал, ни на минуту: жалел свое время. И вдруг как гром среди ясного неба в конце встречи коротко и безапелляционно: это их последняя встреча.

Впрочем, даже после того как Филип бросил терапию, Джулиус продолжал считать его небезнадежным – правда, в то время он часто заблуждался, думая, что нет болезней, которые нельзя вылечить. И все-таки в чем он ошибся? Филип был настроен работать, он был настойчив, умен, образован... и при этом отталкивал. Джулиус никогда не брался за пациента, который был ему неприятен, но в его отношении к Филипу не было ничего личного: он бы *никому* не понравился. У него же отроду не было друзей.

Да, он терпеть не мог Филипа, но это не мешало ему *любить* его как редкостный научный материал. Вопрос Филипа «почему я не могу делать то, что хочу?» был занимательным образчиком паралича воли, и потому их совместные занятия, будучи совершенно бесполезными для Филипа, тем не менее приносили немало пользы Джулиусу: сколько идей, родившихся у него во время бесед с Филипом, нашли потом применение сначала в его напумевшей статье «Психотерапевт и сила воли», а позже в книге, которую он назвал «Желание, воля и действие». Внезапно у него промелькнула мысль, что в течение трех лет он эксплуатировал

³ Eduard Grisebach, ed. Schopenhauer's Gespräche und Selbstgespräche. – Berlin: E. Hofmann, 1898. – P. 3.

Филипа. Может быть, теперь, с его новым ощущением единства, он сможет наконец искупить свою вину и довести до конца то, что не сумел сделать раньше?

Юнион-стрит, 41, оказался скромным двухэтажным особняком на углу. Внутри Джулиус отыскал на указателе Филипа: «Филип Слейт, д.н., философское консультирование». Философское консультирование? Джулиус фыркнул. Это что еще за фрукт? Так, пожалуй, скоро дойдет до парикмахеротерапии и консалтинга кислых щей. Он поднялся по лестнице и нажал кнопку у двери.

Послышался звонок, и дверь с легким щелчком открылась. Джулиус очутился в крохотной приемной, совершенно голой, если не считать черного дерматинового диванчика малопривлекательной наружности в углу. В двух шагах от него в дверях кабинета стоял Филип. Даже не двинувшись навстречу, он знаком пригласил Джулиуса войти. Руки для приветствия не протянул.

Джулиус мысленно сравнил этого Филипа с тем, что был в его памяти. Почти никаких отличий. За двадцать пять лет ничего, разве что сеточка морщин вокруг глаз да слегка дряблая шея. Рыжеватые волосы все так же зачесаны назад, все те же колючие зеленые глаза – по-прежнему смотрят в сторону. Джулиус почти не помнил случая, чтобы их взгляды встречались. Филип напоминал ему самонадеянных юнцов, что вечно просиживали на лекциях с умным видом, даже не прикасаясь к конспекту, в то время как он сам и его товарищи торопливо записывали все, что могло понадобиться на экзамене.

Оглядев рабочий кабинет Филипа, Джулиус хотел было съязвить, но вовремя передумал. Вместо этого уселся на стул, предложенный Филипом, и решил предоставить первое слово хозяину. Кабинет был обставлен по-спартански: старый потертый стол с ворохом бумаг, пара неуклюжих разномастных стульев и одинокий сертификат на стене.

– Да, много времени прошло, очень много. – Филип заговорил официальным, уверенным тоном, будто для него совершенно естественно, что их роли поменялись и теперь он принимает своего бывшего психотерапевта.

– Двадцать два года – я посмотрел в своих записях.

– Так почему именно сейчас, доктор Хертцфельд?

– А что, обмен любезностями уже подошел к концу? – О нет, только не это! Джулиус обругал себя. Прекрати немедленно! Ты что, забыл? Этот человек не понимает юмора.

Но Филипа, казалось, нисколько не смутило это замечание.

– Элементарные правила ведения беседы, доктор Хертцфельд, вы же сами знаете. Первый шаг – установить рамки. Мы уже условились о месте и времени – кстати, я готов вам выделить час вместо ваших обычных пятидесяти минут, – потом оплата или отсутствие таковой. Следующая стадия – определиться с целями и задачами. Я стараюсь ради вашей же пользы, доктор Хертцфельд, чтобы сделать эту встречу максимально полезной для вас.

– Хорошо, Филип, принято. Кстати, «почему именно сейчас» – хороший вопрос, я сам им пользуюсь. Помогает сконцентрироваться на главном. Ну что ж, тогда к делу. Как я уже сказал, у меня возникли проблемы со здоровьем – в общем, дела неважные, так вот... мне захотелось оглянуться назад, посмотреть, что удалось и что не удалось в моей работе. Сам понимаешь, возраст – хочется подвести итоги. Стукнет тебе шестьдесят пять – вспомнишь меня.

– Не понимаю, о чем вы, но готов поверить на слово. Признаюсь, мне не совсем понятно ваше желание встретиться со мной или с другими клиентами. Лично со мной такого не случается. Мои клиенты платят мне деньги, я предоставляю им свое экспертное мнение. На этом мы расходимся – они знают, что получили квалифицированный совет, а я – что сделал все возможное. Не могу представить, чтобы мне захотелось когда-нибудь встретиться с ними еще раз. И тем не менее я весь внимание. С чего начнем?

Джулиус не имел обыкновения утаивать что-то от клиентов, это всегда было его сильным качеством – люди ценили его за прямоту и открытость. Но на этот раз он заставил себя умолчать об истинной цели визита. Бестактность Филипа неприятно задевала его, но ведь он пришел не для того, чтобы давать советы. Наоборот, он хотел получить от Филипа прямой и честный ответ о том, что он думает о его работе, так что чем меньше Джулиус скажет про свое теперешнее состояние, тем лучше. Если бы он заикнулся о своем отчаянии, о том, как лихорадочно ищет выход, как хочет надеяться, что сыграл хоть какую-то роль в жизни Филипа, тот, чего доброго, мог бы из жалости наговорить ему кучу комплиментов. Или поступить как раз наоборот – из упрямства.

– Что ж, прежде всего спасибо, что согласился встретиться со мной. Я хотел бы услышать следующее: первое – что ты думаешь о нашей работе, помогла она тебе или нет, и второе, уже посерьезней, я хотел бы узнать, как сложилась твоя жизнь с тех пор, как мы расстались. Обожаю слушать, чем заканчиваются истории.

Если Филипа и удивила такая просьба, он ничем этого не выразил. Несколько секунд посидел молча, закрыв глаза, сложив пальцы. Потом размеренно заговорил:

– История пока еще далека от завершения, доктор Хертцфельд. По правде говоря, моя жизнь так сильно изменилась несколько лет назад, что мне кажется, будто я родился заново. Но пойдем по порядку – начну с нашего лечения. Вынужден признаться, оно оказалось совершенно бесполезным – пустая трата времени и денег. Считаю, что со своей стороны я сделал все, что мог: если память мне не изменяет, я всегда был готов к сотрудничеству, работал над собой, ходил регулярно, оплачивал счета, запоминал сны, выполнял все ваши указания – надеюсь, вы не станете возражать?

– Возражать против того, что ты был готов к сотрудничеству? Конечно, нет. Скажу больше, ты был чрезвычайно прилежным учеником.

Филип кивнул и, снова уставившись в потолок, продолжил:

– Насколько я помню, мы встречались ровно три года, в основном по два раза в неделю. Это очень много часов – как минимум двести. Почти двадцать тысяч долларов.

Джулиус едва сдержался: всякий раз, когда пациенты отпускали подобные замечания, он не упускал случая возразить, что это «капля в море», и вдобавок подчеркнуть, что проблемы, копившиеся много лет, невозможно устранить в одночасье; кроме того, он обязательно приводил какой-нибудь убедительный довод из собственного опыта: к примеру, сам он во время студенческой практики три года ходил на занятия по пять раз в неделю – более семисот часов. Но Филип уже не был его пациентом, и Джулиусу не нужно было ни в чем его убеждать. Он пришел сюда, чтобы слушать. Поэтому он прикусил губу и промолчал.

Филип продолжил:

– Когда я начал лечиться у вас, я был загнан в угол – нет, валялся на обочине, лицом в грязь, так будет точнее. Тогда я работал химиком, разрабатывал средства для уничтожения насекомых. Меня тошнило от моей работы, от моей жизни, вообще от всего. Единственное, что мне нравилось, – это читать философию и размышлять над загадками истории. Но я пришел к вам из-за своих сексуальных проблем, как вы, надеюсь, помните.

Джулиус кивнул.

– Тогда я терял контроль над собой. Только секса я и хотел. Он не давал мне покоя. Я не мог остановиться. Страшно вспомнить, какую жизнь я вел. Соблазнить как можно больше женщин – вот все, чего мне требовалось. После коитуса короткая передышка – и снова все сначала.

При слове «коитус» Джулиус подавил улыбку – он вспомнил, как, несмотря на свою неутолимую похоть, Филип всегда старательно избегал непристойностей.

– Только в этот короткий момент, сразу после коитуса, – продолжал Филип, – я мог жить полной жизнью, в согласии с самим собой, тогда я мог общаться с великими мыслителями прошлого.

– Да, я помню твоих Аристархов и Зенонов.

– Они, а потом и многие другие. Но эти моменты, эти передышки были слишком короткими. Теперь я свободен. Теперь я могу жить, не думая об этом. Но позвольте мне вернуться к вашему лечению, ведь именно в этом состоял ваш первый вопрос?

Джулиус кивнул.

– Я, помню, очень привязался к нашим занятиям, они стали для меня еще одной навязчивой идеей, которая, увы, не заменила первую – просто наложилась на нее. Я помню, как ждал каждого сеанса – и все-таки, несмотря ни на что, каждый раз уходил разочарованным. Сейчас я точно не помню, что мы делали, – кажется, все время пытались как-то связать мою проблему с моей прежней жизнью. Выводили, выводили – мы все время пытались что-то вывести. И все же каждый ваш новый вывод казался мне сомнительнее прежнего. В ваших рекомендациях не было ни аргументации, ни логики, но хуже всего было то, что ни одна из них ни капли не повлияла на мою проблему... А проблема была серьезная. Я знал это. И еще я знал, что обязан во что бы то ни стало с ней завязать. Прошло немало времени, пока я понял, что вы не знаете, как мне помочь, и тогда я окончательно потерял веру в вас. Помню, вы тратили кучу времени на то, чтобы исследовать мои взаимоотношения с другими людьми – и, в особенности, лично с вами. Я не видел в этом никакого смысла – не видел тогда, не вижу и сейчас. Время шло, и мне становилось все тяжелее встречаться с вами, продолжать исследовать наши отношения так, будто они действительно существовали, делать вид, будто они больше того, чем на самом деле были – обычными *платными услугами*. – Филип замолчал и, разведя ладони, взглянул на Джулиуса, словно говоря: «Сам напросился».

Джулиус был раздавлен. Чей-то незнакомый голос сказал за него:

– Что ж, это честный ответ, Филип. Ну, а теперь продолжение истории – что было с тобой потом?

Филип сложил ладони, опустил подбородок на кончики пальцев, завел глаза к потолку, собираясь с мыслями.

– Потом? Начнем с работы. Мои открытия в области создания гормональных инсектицидов неожиданно принесли компании солидные дивиденды, и моя зарплата резко выросла. Но к тому времени я уже был сыт химией по горло. А тут, когда мне исполнилось тридцать, подошли траст-фонды моего отца. Подарок судьбы. Наконец-то я был свободен. Этих денег хватало на несколько лет безбедного существования, и я забросил подписку на химическую литературу, уволился с работы и занялся наконец тем, о чем мечтал всю жизнь, – поиском истины... Я был жалок и несчастен, все так же напряжен и по-прежнему страдал от навязчивых желаний. Конечно, я перепробовал и других психоаналитиков, но они могли дать мне не больше, чем вы. Один из них, бывший сокурсник Юнга, как-то сказал, что мне нужна не просто психотерапия. Он сказал, что в моем положении единственная надежда – духовное развитие. Я последовал его совету и обратился к религиозной философии, в особенности к идеям Востока – из всех прочих только они показались мне стоящими. Остальные не давали ответов на важнейшие вопросы и только прикрывались именем Бога вместо истинного философского осмысления. Я даже провел несколько недель в медитативном лагере – довольно любопытно. Правда, это не избавило меня от проблемы, но у меня возникло ощущение, что в этом есть какое-то рациональное зерно – наверное, тогда я просто не был готов... И все это время, за исключением вынужденного воздержания в ашраме – хотя и там я умудрялся находить лазейки, – я продолжал свою безумную погоню. Я переспал с толпой женщин – с десятками, сотнями, иногда по две в день, всегда и всюду, в любое время – так же, как во время наших занятий. Постель с одной – иногда с двумя женщинами – и снова поиски. Никакого возбуждения после. Помните

старую поговорку: «С девчонкой в первый раз бывает только раз». – Филип поднял голову и посмотрел на Джулиуса: – Это была шутка, доктор Хертицфельд. Помню, однажды вы заметили, как вас поражает, что за все время я умудрился ни разу не пошутить.

Джулиус, на сей раз совсем не расположенный к веселью, с усилием выдавил из себя усмешку, хотя и узнал в этом *bon mot* собственную остроту, однажды оброненную в разговоре с Филипом. Филип казался ему огромным заводным пупсом с ключом на макушке – пришло время снова его заводить:

– И что же было дальше?

Уставившись в потолок, Филип ответил:

– Дальше в один прекрасный день я пришел к гениальному решению: раз ни один врач не в состоянии мне помочь – простите, доктор Хертицфельд, но и вы тоже...

– Я уже начинаю об этом догадываться, – ответил Джулиус и тут же поспешно добавил: – Не надо извинений, Филип, просто честно отвечай на мои вопросы.

– Простите, я не хотел на этом останавливаться – так вот, поскольку медицина не могла мне помочь, я решил, что вылечу себя сам – курсом библиотерапии, который включал бы в себя достижения величайших мудрецов, которые когда-либо жили на свете. Я приступил к систематическому чтению философии, начиная с греческих досократиков и заканчивая Поппером, Роулзом и Куайном⁴. После года занятий я не избавился от проблемы, зато сделал несколько ценных открытий. Во-первых, я понял, что стою на правильном пути, а во-вторых, что философия – это действительно мое. Это был самый главный вывод – помните, как много мы с вами говорили о том, что я нигде не чувствую себя как дома?

– Помню, – кивнул Джулиус.

– И тогда я подумал: раз я собираюсь посвятить эти годы чтению философии, почему бы мне не сделать это своей профессией – в конце концов, деньги рано или поздно кончатся. Так что я поступил в докторантуру при философском факультете Колумбийского университета. Занимался я хорошо, написал солидную диссертацию и через пять лет уже был доктором философских наук. Я начал преподавать, а потом, пару лет назад, заинтересовался прикладной, или, как я предпочитаю ее называть, «клинической» философией. И вот я здесь.

– Ты не закончил – как именно тебе удалось вылечиться?

– Да. В Колумбии, читая книжки, я познакомился с одним психотерапевтом – психотерапевтом с большой буквы, – который предложил мне нечто такое, что не мог предложить никто другой.

– В Нью-Йорке? Кто такой? В Колумбии?.. С какого факультета?

– Его звали Артур... – Филип помедлил и взглянул на Джулиуса со едва заметной усмешкой на губах.

– Артур?

– Да, Артур Шопенгауэр, мой личный психотерапевт.

– Шопенгауэр? Ты шутишь.

– Никогда не был серьезнее.

– Я мало знаю Шопенгауэра – разве что расхожие фразы о мрачном пессимизме. Никогда не слышал, чтобы он имел какое-то отношение к психиатрии. Чем он мог тебе помочь? Что?..

– Не хочу прерывать вас, доктор Хертицфельд, но у меня сейчас встреча с клиентом, а я по-прежнему не люблю опаздывать – как видите, я мало изменился. Оставьте свою визитную

⁴ **Сэр Карл Раймунд Поппер** (1902–1994) – австро-британский философ, преподаватель Лондонской школы экономики, занимался философией науки и социально-политической философией. **Джон Роулз** (1921–2002) – американский философ, преподаватель политической философии в Гарвардском университете; автор труда «Теория справедливости» (1971). **Уиллард Ван Орман Куайн** – один из самых влиятельных американских логиков и философов, преподавал философию и математику в Гарварде.

карточку, и как-нибудь в другой раз я расскажу вам больше. Это был врач, созданный для меня. Не будет преувеличением сказать, что гению Артура Шопенгауэра я обязан своей жизнью.

Глава 4

1787 год. Гений: бурный пролог и фальстарт

Талант похож на стрелка, попадающего в такую цель, которая недостижима для других; гений похож на стрелка, попадающего в такую цель, до которой другие не в состоянии проникнуть даже взором⁵.

БУРНЫЙ ПРОЛОГ

Гений был всего четыре дюйма в длину, когда разыгралась буря. В сентябре 1787 года околплодное море, со всех сторон окружавшее его, взволновалось и начало бешено швырять его из стороны в сторону, грозя унести прочь от спасительных утробных берегов. Волны резко пахли злобой и ужасом. Кислотные волны ностальгии и отчаяния захлестывали его. Остались в прошлом счастливые дни безмятежного покачивания у причала. Не зная, куда бежать, где искать спасения, его крохотные невральные синапсы запылали и загорелись.

Чем раньше судьба преподает нам свою науку, тем лучше. Артур Шопенгауэр никогда не забудет ее первые уроки.

ФАЛЬ СТАРТ, или КАК АРТУР ШОПЕНГАУЭР ЧУТЬ НЕ СТАЛ АНГЛИЧАНИНОМ

Артурррр, Артурррр, Артурррр. Генрих Флорис Шопенгауэр раскатывал каждый звук на языке. Артур. Хорошее имя. Превосходное имя для будущего главы уважаемого торгового дома Шопенгауэров.

Шел 1787 год, и его юная женушка Иоганна была еще на третьем месяце беременности, когда Генрих Шопенгауэр принял решение: если родится сын, он назовет его Артуром. Достопочтенный муж Генрих сделает все, чтобы исполнить свой долг: как его предшественники передали ему бразды правления знаменитым торговым домом Шопенгауэров, так и он передаст их своему сыну. Времена наступили тяжелые, но Генрих был уверен, что сын сможет достойно ввести фирму в девятнадцатый век. Имя Артур как нельзя лучше для этого подходило. Это имя одинаково пишется на всех основных языках Европы, оно будет беспрепятственно пересекать любые национальные границы, но самое главное – это английское имя.

Долгие века предки Генриха не покладая рук трудились над созданием общего семейного дела, и их усилия увенчались успехом. Дед Генриха даже однажды принимал в своем доме русскую императрицу Екатерину Великую и, дабы доставить гостье особое удовольствие, как-то повелел разлить коньяк в ее покоях и затем его поджечь, чтобы воздух в комнатах сделался сухим и благовонным. Отца Генриха удостаивал визитом прусский король Фридрих, который, как гласит семейное предание, несколько часов безрезультатно убеждал хозяина дома перевести дело из Данцига в Пруссию. А теперь, когда управление знаменитым торговым домом перешло к Генриху, он сделает все, чтобы очередной наследник Шопенгауэров по имени Артур обеспечил семейному делу великое будущее.

Торговый дом Шопенгауэров – зерно, лес и кофе – был одним из почтеннейших домов Данцига, этого достославного ганзейского города, заправлявшего торговлей по всей Балтике. Но настали тяжелые времена и для великого вольного города: с запада грозила Пруссия, с

⁵ Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 2. – Гл. 31 «О гении».

востока Россия, а одряхлевшая Польша больше не могла гарантировать былого спокойствия и независимости. Вот почему Генрих Шопенгауэр опасался, что дни свободы и процветания Данцига уже сочтены. Европа захлебывалась в пучине политических и финансовых потрясений – Европа, но не Англия. Англия стояла несокрушимо, как скала. За Англией было будущее. Только в Англии семья и торговый дом Шопенгауэров обретут спокойную гавань; нет, не просто спокойную гавань – они станут процветать, если будущий глава компании родится англичанином и будет носить английское имя. Герр Артурррр Шопенгауэр – нет, мистер Артурррр Шопенгауэр, английский подданный, глава торгового дома – вот что станет залогом счастливого и беззаботного будущего.

И вопреки протестам юной беременной женоушки, не достигшей еще и двадцати и умолявшей его оставить ее дома под присмотром матушки вплоть до рождения первенца, Генрих двинулся в далекую Англию, таща за собой отчаянно упиравшуюся супругу. Юная Иоганна была в ужасе, однако подчинилась непреклонной воле супруга. Прибыв в Лондон, она, вопреки опасениям, чрезвычайно быстро обрела привычную живость и легкость характера, и вскоре уже весь Лондон восхищался блестящим очарованием юной девы. В своих путевых дневниках Иоганна напишет, что ее новые английские друзья окружили ее такой любовью и таким вниманием, что она совершенно успокоилась и чувствует себя совсем как дома.

По-видимому, «новые английские друзья» пустились изливать свою любовь с таким усердием, что ревнивый Генрих не на шутку разволновался; его тревога скоро переросла в настоящую панику. Не в состоянии справиться с беспокойством и чувствуя, что ревность грозит в любую минуту выплеснуться наружу, он заметался в поисках выхода. И вскоре решение было найдено: он отказывается от собственных намерений и, силком затолкав свою – уже на седьмом месяце – жену в карету, поспешно покидает Лондон и, невзирая на лютые морозы, сковавшие всю Европу, возвращается в Данциг. Много лет спустя Иоганна так опишет свои чувства во время того переезда: «Помощи не от кого было ждать, я вынуждена была держать свои горести при себе. Этот человек волоком тащил меня через пол-Европы только для того, чтобы рассеять собственную тревогу»⁶.

Вот такие-то бурные шторма сопровождали внутриутробную жизнь гения: брак без любви, напуганная, возмущенная мать, встревоженный ревностью отец и два тяжелейших переезда через мрачную, неприветливую Европу.

⁶ Rüdiger Safranski. Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy. – Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Глава 5

Счастливая жизнь невозможна. Высшее, что может достаться на долю человека, – жизнь героическая⁷.

Джулиус вышел от Филипа совершенно разбитым. Держась за перила, он неуверенно спустился по лестнице и, пошатываясь, вышел на солнце. Несколько секунд постоял, соображая, куда повернуть. Свободный вечер сулил больше беспокойств, чем радости. Он привык к тому, что его время расписано до минуты: если не было встреч с клиентами, другие не менее важные дела требовали его внимания – книги, преподавание, теннис, научная работа. Но сегодня ничто не казалось важным. У него даже закралось подозрение, будто на самом деле ничто *никогда и не было* важным и сознание только ловко обманывало его, заставляя поверить, что он занимается важными вещами. Но сегодня Джулиус видел его насквозь. Нет, сегодня у него не было никаких важных дел, и он беспечно поплелся по Юнион-стрит.

Когда за Филлмор-стрит деловые кварталы закончились, он заметил впереди старуху, с грохотом толкавшую перед собой ходунки. Боже, что это было за зрелище. Джулиус поспешил отвести взгляд, но любопытство пересилило, и он вновь повернул голову. На старухе было несколько кофт и вдобавок тяжелое зимнее пальто – на улице ослепительно сияло солнце, и весь этот маскарад выглядел до крайности нелепо. Отвисшие бурундучьи щеки лихорадочно дергались – вероятно, старуха пыталась сладить с зубными протезами, никак не желавшими вставать на место. Но отвратительнее всего была огромная уродливая шишка, висевшая под ноздрей, – просвечивающая розоватая бородавка размером с виноградину, из которой торчало несколько длинных щетинок.

«Ну и пугало, – промелькнуло в голове у Джулиуса, но он тут же одернул себя: – Эта старуха не намного старше тебя. Вот что ждет тебя в будущем – бородавки, ходунки, инвалидное кресло». Когда старуха подошла ближе, он услышал ее ворчливый голос:

– Что это за магазины? Чем они здесь торгуют, хотела бы я знать?

– Не знаю, я здесь просто гуляю, – громко ответил Джулиус.

– А вас никто не спрашивал.

– С кем же вы говорите? Кроме нас, здесь, кажется, никого нет.

– Какая разница, что нет? Вас не спрашивают, я вам говорю.

– А кого же? – Джулиус приставил обе руки ко лбу и сделал вид, что осматривает пустынную улицу.

– Тебе-то какое дело? Бродят тут всякие, – пробурчала старуха и забряцала своими ходунками дальше.

Джулиус застыл на месте. На всякий случай осмотрелся, чтобы убедиться, что никто не видел этой сцены. Боже мой, подумал он, я совсем свихнулся – какого черта я вытворяю? Хорошо еще, что сегодня нет клиентов. Нет, беседы с Филипом Слейтом явно не идут мне на пользу.

В этот момент на него пахнуло упоительным ароматом кофе из распахнутых дверей «Старбакса». Один час с Филипом, решил он, стоит хорошей чашки двойного эспрессо. Внутри он устроился у окна и принялся рассматривать прохожих. Ни одной седой головы – ни в кафе, ни на улице. В свои шестьдесят пять он был здесь самым старым, старше других стариков, и, если принять во внимание его меланому, стремительно старел каждую минуту.

⁷ Артур Шопенгауэр. Parerga и Paralipomena. – Т. 2. – § 172. Здесь и далее цитаты из «Parerga и Paralipomena» приводятся в пер. Ю. Айхенвальда.

За стойкой две смазливые барменши флиртовали с посетителями. Такие девицы никогда не глядели в его сторону – ни раньше, в молодости, ни потом, когда он стал взрослее. Теперь уже его время никогда не наступит, и эти соблазнительные красотки с пышными бюстами никогда не взглянут на него и не спросят с застенчиво-кокетливой улыбкой: «Что-то давно тебя не видно. Как поживаешь?» Этого уже никогда не случится. Жизнь удивительно прямолинейна и всегда движется только в одну сторону.

Все, перестань, хватит себя жалеть. Не ты ли всегда поучал нытиков: не замыкайтесь в себе, учитесь видеть дальше собственного носа. Другого выхода нет – прав тот, кто умеет превращать дерьмо в конфетку. Может, стоит об этом написать? Завести личный дневник или блог? Или, чем черт не шутит – толкнуть статью в «Журнал Американской психиатрической ассоциации»: «Психиатр в борьбе со смертью». Или что-нибудь глубокомысленное – в «Санди Таймз». Он вполне мог бы это сделать. А может, даже замахнуться на книгу. «История одной кончины». Неплохая идея. Иногда достаточно взрывного названия, чтобы вещь пошла сама собой. Джулиус заказал эспрессо, вынул ручку и, подняв с пола бумажный пакет, аккуратно расправил его и нацарапал первые строчки, усмехаясь над скромными обстоятельствами рождения своей будущей великой книги.

Пятница, 2 ноября 1990 г.

ДДД (День – Дело Дрянь) + 16

Какого черта я откопал Филипа Слейта? Нашел за кем гоняться. Как будто он может мне помочь. Это же было ясно с самого начала. Все, хватит. Какой из него терапевт? Курам на смех. Бесчувственный, самовлюбленный эгоист. Ведь я сказал ему по телефону, что у меня проблемы со здоровьем и поэтому я хочу встретиться – и что же? Он даже ни разу не спросил, как у меня дела. Даже руки не протянул. Холодный, бесчеловечный дикарь. Держится от меня на расстоянии. А я-то три года выкладывался ради этого типа. Отдавал ему все, что мог. Все свои знания. Неблагодарный ублюдок.

Да, я знаю, что он ответит на это. Я даже слышу его занудный голос: «Это была сделка, доктор Хертицфельд: я платил деньги – вы предоставляли услуги. Я платил вам за каждую консультацию. Сделка закрыта, мы квиты, и я вам ничего не должен».

И потом прибавит: «Даже меньше, чем ничего, доктор Хертицфельд. Ведь вы остались в выигрыше – вы получили свои денежки, тогда как я не получил ничего».

Хуже всего то, что он прав. Он действительно не должен мне ничего. Я сам кричу на всех перекрестках, что психотерапия – это образ жизни, любовь, сострадание. Какое право я имею требовать от него чего-то, на что-то надеяться? Он все равно не способен дать мне то, что нужно.

«Человек не может дать то, чего у него нет» – сколько раз я сам твердил это своим клиентам. И все же этот мерзкий, бессердечный тип не идет у меня из головы. Может, стоит сочинить оду про вечный долг пациентов перед их бывшими психотерапевтами?

С чего это я так разошелся? И почему связался именно с Филипом? Сам не знаю. Может быть, дело во мне – я как будто разговариваю с самим собой, только моложе. Может быть, Филип – это и есть я, тот я, который в пятнадцать, и в двадцать, и в тридцать лет жил точно так же, повинаясь гормонам? А я-то думал, будто знаю все, что он чувствует, обладаю каким-то тайным механизмом, способным его исцелить. Может, поэтому я так старался? Этот тип отнял у меня больше сил и внимания, чем все остальные пациенты, вместе взятые. В практике каждого врача обязательно найдется тот, кто вытянет из него всю душу, – для меня таким человеком стал Филип.

Дома оказалось сумрачно и зябко. Сын Ларри еще утром уехал к себе в Балтимор, где его ждала незаконченная работа по нейробиологии в институте Хопкинса. Джулиус почти с

облегчением узнал об отъезде сына – сочувственное лицо Ларри и неловкие, хотя и искренние попытки утешить отца больше терзали Джулиуса, чем успокаивали. Джулиус подумал было созвониться с Марти, приятелем по группе поддержки, но почувствовал себя таким разбитым, что повесил трубку и решил вместо этого сесть за компьютер и внести записи, нацарапанные на мятом пакете из «Старбакса». «У вас новое сообщение», – высветилось на экране. К удивлению Джулиуса, пришло письмо от Филипа. Джулиус поспешно открыл его и с любопытством прочел:

Сегодня в конце нашей беседы вы спросили меня про Шопенгауэра и как мне помогла его философия. Вы также дали мне понять, что хотели бы узнать о нем больше. Надеюсь, вам будет интересна моя лекция в Коустел-колледже в следующий понедельник в 7 часов вечера (Тойон-холл, 340, Фултон-стрит). Сейчас я начитываю европейскую философию, и в понедельник у меня краткий обзор Шопенгауэра (я должен охватить две тысячи лет за три месяца). Мы могли бы поболтать после лекции. Филип Слейт.

Джулиус тут же без колебаний послал ответ: «Спасибо, обязательно буду», потом открыл ежедневник и записал: «Понедельник, Тойон-холл, 340, Фултон, 7 вечера».

По понедельникам с половины пятого до шести Джулиус вел групповые занятия. С утра он долго раздумывал, стоит ли объявлять группе о меланоме. Индивидуальным клиентам он решил ничего не говорить, пока окончательно не придет в себя, но группа – совсем иное дело: в группе он был лидером, центром внимания, и кто-нибудь вполне может заметить в нем перемену и об этом заговорить.

Однако он напрасно волновался. Группа с готовностью приняла его извинения за пропуск двух занятий из-за гриппа и, не теряя времени, пустилась наверстывать упущенное – каждому не терпелось поделиться новостями. Стюарт, толстенький коротышка-педиатр, который вечно ходил с растерянным лицом, словно ожидал, что его с минуты на минуту срочно вызовут к больному, сегодня был непривычно взволнован. Именно он первым попросил внимания группы. Это было неожиданно: Стюарт ходил на занятия уже год и за все это время редко обращался за помощью. В группу он попал не по своей воле: однажды он получил по электронной почте письмо от жены, в котором она сообщала, что, если он не начнет ходить на групповую психотерапию и кардинально не изменит свое отношение к жизни, ей придется от него уйти. В конце письма она приписала, что сообщает все это по электронке, потому что он больше прислушивается к электронным средствам связи, чем к тому, что она ежедневно талдычит ему нормальным человеческим языком. Как выяснилось, на минувшей неделе она как раз приступила к исполнению первого этапа своей угрозы и покинула супружескую спальню, переселившись в другую комнату, так что большая часть занятия ушла на то, чтобы помочь Стюарту справиться с чувствами, обуревавшими его в результате демарша жены.

Джулиус любил свою группу. Он всегда с искренним восхищением следил за тем, как эти люди бесстрашно ломали привычные рамки и рисковали – и в этом отношении сегодняшний вечер не был исключением. Каждый старался изо всех сил поддержать Стюарта, который не скрывал своих переживаний, и время пронеслось незаметно. Под конец встречи Джулиус почувствовал себя гораздо лучше. Его так захватили драматические повороты беседы, что за полтора часа он ни разу не вспомнил о собственных бедах. Ничего удивительного. Любой терапевт знает, как целительна атмосфера групповых занятий. Сколько раз Джулиус приходил на встречу расстроенным или подавленным и уходил, чувствуя себя несравненно лучше – хотя, конечно, никогда не распространялся о своих личных проблемах.

У него оставалось немного времени, чтобы перекусить, и он отправился в соседний суси-бар. Джулиус часто бывал здесь, и шеф-повар Марк приветствовал его, едва Джулиус появился

на пороге. В обычные дни Джулиус предпочитал сидеть за стойкой – как и все его пациенты, он чувствовал себя неуютно, обедая за столом в одиночку.

Обычный заказ: роллы «Калифорния», копченый угорь и вегетарианские маки. Он обо-
жал суси, но старательно избегал сырой рыбы, опасаясь паразитов. Вечная борьба с внешним врагом – какой нелепой она казалась сейчас. Всю жизнь опасаться удара снаружи, чтобы в конце концов получить его изнутри. К черту, подумал Джулиус, я больше не стану об этом думать, и, к невероятному изумлению Марка, заказал себе порцию ахи-суси. Он ел с огромным наслаждением, а закончив, помчался в Тойон-холл на свое первое свидание с Артуром Шопенгауэром.

Глава 6

*Маменька и папенька Шопенгауэры – Zu Hause*⁸

*Уже в детские годы образуется прочная основа нашего мировоззрения, а следовательно, и его поверхностный либо глубокий характер; в последующее время жизни оно получает свою целость и законченность, но в существенных своих чертах остается неизменным*⁹.

Что за человек был Генрих Шопенгауэр? Жесткий, непреклонный, замкнутый, суровый и гордый. История сохранила следующий рассказ. В 1783 году, спустя пять лет после рождения Артура, Данциг окружили прусские войска, и в городе возникла острая нехватка продовольствия и фуража. В это время в загородном поместье Шопенгауэров был расквартирован один прусский генерал. В качестве платы за постой он милостиво предложил хозяину пользоваться его фуражом. Каков же был ответ Генриха? «Мои конюшни забиты овсом, сударь, а если мои запасы кончатся, я имею обыкновение забивать своих лошадей».

А что же маменька Артура, Иоганна? Романтичная, очаровательная, остроумная, живая и кокетливая особа. Несмотря на то что весь Данциг считал Генриха и Иоганну блестящей парой, их союз оказался на редкость неудачным. Трозинеры, мать и отец Иоганны, происходили из скромного рода и всегда с нескрываемым почтением относились к благородным Шопенгауэрам. И когда тридцативосьмилетний Генрих начал оказывать знаки внимания семнадцатилетней Иоганне, Трозинеры были вне себя от счастья, а юная Иоганна молча покорила родительскому выбору.

Жалела ли Иоганна о своем поступке? Судите сами: вот что много лет спустя она напишет в назидание девицам, стоящим перед выбором: «Великолепие, роскошь, титулы и звания обладают такой магнетической силой для сердца молодой девушки, что торопят ее к скорейшему заключению брачного союза... один неверный шаг, за который она будет расплачиваться всю оставшуюся жизнь»¹⁰.

«Расплачиваться всю оставшуюся жизнь» – сильные слова из уст Артуровой матушки. В своих дневниках она признавалась, что еще до того, как Генрих начал ухаживать за ней, она имела сердечный роман с одним молодым человеком, но судьба их разлучила, и юная Иоганна была так убита горем, что приняла предложение Генриха как во сне. Да и был ли у нее выбор? Вряд ли. Ее союз с Генрихом был типичным для восемнадцатого века браком по расчету, и единственной его целью было приобретение состояния и веса в обществе. А как же любовь? О ней и речи не шло между Генрихом и Иоганной. Никогда. Позднее в своих мемуарах она напишет: «Я притворялась, что люблю этого человека, не больше, чем он того требовал»¹¹. Нельзя сказать, чтобы особо обласканы были и остальные домочадцы – и юный Артур, и его младшая сестра Адель, родившаяся девятью годами позже.

Любовь между родителями неизменно порождает и любовь к детям. Правда, время от времени мы слышим о столь страстной любви между родителями, что в ее пламени сгорают без остатка все прочие чувства, оставляя детям лишь жалкие крохи, – но такая любовь, замкнутая на самой себе, все-таки кажется нам противоестественной. Скорее верно обратное: чем больше мы любим друг друга, тем больше любви мы способны отдавать детям – да и вообще людям.

⁸ Дóма (нем.).

⁹ Артур Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. – Гл. 6 «О различии возрастов». Пер. Ю. Айхенвальда.

¹⁰ Rüdiger Safranski. Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy. – P. 14.

¹¹ Ibid., p. 13.

Детские годы в обстановке взаимной холодности оставят неизгладимый след в жизни Артура. Дети, не связанные с матерью узами нежной любви, лишены той уверенности в себе, которая позволяет им в дальнейшем полюбить себя и поверить в то, что и другие могут их любить, что любовь вообще существует на свете. Вырастая, они отстраняются от общества, уходят в себя и часто воспринимают других людей как личных соперников. Вот какова была психологическая обстановка, в итоге сформировавшая мировосприятие Артура.

Глава 7

Если обратиться к частностям человеческой жизни, то впечатление от нее можно сравнить со зрелищем рассматриваемой через микроскоп, кишащей инфузориями капли воды, усердная деятельность и борьба которых вызывает у нас смех. Ибо как здесь, на самом незначительном пространстве, так и там, в самый короткий промежуток времени, большая и серьезная деятельность кажется комичной¹².

Без пяти семь Джулиус выбил остатки из пенковой трубки и открыл дверь в аудиторию Тойон-холла. Он выбрал себе место сбоку в четвертом ряду и осмотрелся: снизу вверх амфитеатром поднимались два десятка рядов, большинство мест пустовало, то здесь, то там виднелись поломанные кресла, обмотанные желтым скотчем. В последнем ряду на ворохах газет расположились двое бездомных. Три десятка неряшливых студентов рассыпались по всей аудитории, за исключением первых трех рядов, которые оставались совершенно пустыми.

Совсем как в группе, подумал Джулиус, – никто не хочет садиться рядом с руководителем. Он вспомнил, что и сегодня кресла по обе стороны от него пустовали, пока не пришли опоздавшие. В шутку он называл эти кресла штрафными. Групповой фольклор утверждал, что слева от руководителя садятся тихие, а справа – буйные, однако на собственном опыте он успел убедиться, что нежелание сидеть рядом с руководством – единственное правило, которое не нарушается ни при каких обстоятельствах.

Общий хаос и неразбериха, царившие в Тойон-холле, были неотъемлемой чертой всего Калифорнийского Коустел-колледжа, который когда-то начинал как вечерние бизнес-курсы, а затем быстро пустил корни и разросся в колледж преддипломной подготовки. Судя по всему, сейчас он находился в фазе активной энтропии. Пробираясь через студенческий городок, больше похожий на свалку, Джулиус с удивлением обнаружил, что с трудом отличает местных студентов от городских бездомных. Какой преподаватель не поддастся моральному разложению в такой обстановке? Немудрено, что Филипп хочет отсюда сбежать.

Джулиус взглянул на часы – стрелка приближалась к семи, и тут, секунда в секунду, в аудитории появился Филипп. Одет он был традиционно: клетчатые брюки цвета хаки и желто-коричневый вельветовый пиджак с накладками на локтях. Вынув бумаги из своего выдавшего виды портфеля и даже не подняв глаз на аудиторию, он начал:

Продолжаем обзор западноевропейской философии. Лекция восемнадцатая. Артур Шопенгауэр. Сегодня я построю свою лекцию не вполне традиционно и позволю себе несколько отступлений. Если моя речь покажется вам слишком бессвязной, проявите немного терпения – обещаю, что в конце концов я обязательно вернусь к непосредственной теме нашей беседы. Позвольте мне для начала напомнить вам о величайших дебютах мировой истории.

Филипп вопрошающе обвел зал глазами и, не встретив ни малейшего признака интереса к своим словам, ткнул согнутым указательным пальцем в одного из студентов, сидевших поближе, и знаком поманил к доске. Затем по слогам продиктовал три слова: *бес-связ-ный, тер-пе-ни-е* и *де-бют*; студент прилежно записал их на доске и уже хотел было вернуться на место, но Филипп указал ему на первый ряд и велел остаться.

¹² Артур Шопенгауэр. Parerga и Paralipomena. – Т. 2. – § 147a.

Итак, величайшие дебюты истории – поверьте, вам вскоре станут ясны причины моего отступления. Давайте вспомним Моцарта, который в девять лет поразил венский двор безупречной игрой на клавесине. Или – если пример с Моцартом не задевает струн вашего сердца (*слабая тень улыбки*) – возьмем что-нибудь поближе – к примеру, «Битлз», которые в девятнадцать лет покорили своими песнями Ливерпуль.

Другой поразительный дебют – замечательная история Иоганна Фихте (*знак студенту записать Фих-те на доске*). Кто-нибудь помнит это имя по нашей прошлой лекции? Тогда мы обсуждали великих немецких философов-идеалистов, последователей Канта, работавших на рубеже восемнадцатого-девятнадцатого веков, – Гегеля, Шеллинга и Фихте. Из этой троицы Фихте выделяется и своей жизнью, и своим дебютом в истории, ибо начинал он простым крестьянским мальчиком, который пас гусей в крохотной немецкой деревушке Раменау, до той поры известной только тем, что по воскресеньям тамошний священник читал отменные проповеди.

Чтобы послушать их, приехал как-то в Раменау один богатый вельможа. Очевидно, он задержался в дороге, и, когда прибыл на место, проповедь уже закончилась. Расстроенный, он стоял возле церкви, и тут к нему подошел какой-то старик и посоветовал не отчаиваться, потому что мальчишка Иоганн, который пасет гусей, может пересказать ему всю проповедь от начала до конца не хуже самого священника. Старик привел Иоганна, который действительно слово в слово повторил проповедь. Барон так удивился поразительной памяти мальчика, что взялся оплатить его образование и отправил в знаменитую школу Пфорта, откуда впоследствии выйдет немало знаменитых немецких мыслителей, включая и объект нашей следующей лекции, Фридриха Ницше.

В школе, а потом и в университете, Иоганн сразу выделяется блестящими способностями. Однако через несколько лет его патрон умрет, и Иоганн останется без средств к существованию. Чтобы выжить, он устроится гувернером в одно немецкое семейство. Случится так, что его наймут преподавать философию Канта, которого он к тому времени и в глаза не видел. Вскоре, однако, он будет совершенно очарован божественным Кантом...

Филип неожиданно оторвался от своих записей и поднял глаза на слушателей. По-видимому, не встретив ни малейшей искры сочувствия, он прошепел:

Ау. Есть здесь кто-нибудь? Кант, Иммануил Кант. Кант. Кант. Помните? – Он сделал знак своему помощнику написать слово Кант на доске. – Мы два часа обсуждали его на прошлой неделе. Кант – вместе с Платоном, величайший из величайших философов мира. Обещаю, что обязательно буду спрашивать его на экзамене. А-га. Проснулись? Вот теперь я, наконец, вижу какую-то жизнь, кто-то зашевелился, у кого-то открылись глаза, ручки поползли по бумаге.

Итак, на чем мы остановились? Ах да... пас гусей... Затем Фихте предложили должность гувернера в Варшаве, и, не имея ни гроша в кармане, он прошагал пешком всю дорогу только для того, чтобы, прибыв на место, получить отказ. Осмотревшись, он понял, что находится всего в нескольких сотнях миль от Кёнигсберга, где жил Кант, и решил отправиться туда, чтобы лично повидаться с учителем. Через два месяца он прибыл в Кёнигсберг и бесстрашно постучался в дверь Канта, но допущен к хозяину дома не был: Кант был человеком строгих правил и не имел обыкновения принимать у себя кого

попало. На прошлой неделе я рассказывал вам, как строго он придерживался распорядка: Кант был так пунктуален, что горожане сверяли по нему часы всякий раз, когда он выходил на прогулку.

Фихте подумал, что ему отказали, поскольку у него не было рекомендательных писем, и недолго думая решил сочинить их сам, чтобы таким образом добиться встречи с Кантом. В порыве вдохновения он написал свою первую работу, знаменитую «Критику всякого откровения», в которой развил кантовские взгляды на этику и чувство долга применительно к религии. Кант пришел в такой восторг от работы, что не только согласился встретиться с Фихте, но и взялся способствовать опубликованию книги.

По странному стечению обстоятельств – возможно, из-за уловок издателя, желавшего побыстрее сбыть товар, – «Критика» появилась без имени автора на обложке. Книга была написана так блестяще, что и критики, и читающая публика немедленно приняли ее за новое сочинение самого Канта. В конце концов, Кант был вынужден даже публично заявить, что автором рукописи является не он, а один очень талантливый молодой человек по фамилии Фихте. Признание Канта обеспечило Фихте место в философии, и через полтора года он уже был удостоен звания профессора в университете Иены.

Вот что, – тут Филип испуганно обвел глазами слушателей и в припадке неуклюжего восторга рубанул воздух, – вот что я называю дебютом.

Никто из слушателей даже не поднял глаз; нелепый восторг лектора явно остался для них незамеченным. Если Филипа и обескуражила холодность аудитории, он не подал виду и невозмутимо продолжил:

А теперь давайте взглянем на то, что гораздо ближе вашим сердцам, – спортивные дебюты. Можно ли забыть великолепные дебюты Крис Эверт, Трейси Остин или Майкла Чанга, выигравших турниры большого шлема в пятнадцать-шестнадцать лет? А шахматных вундеркиндов Бобби Фишера и Пола Морфи? Или Хосе Рауля Капабланку, который выиграл чемпионат Кубы по шахматам в одиннадцать лет.

И наконец, я хотел бы напомнить вам об одном литературном дебюте – самом потрясающем литературном дебюте всех времен и народов, о человеке, который в свои двадцать с небольшим лет ворвался в мировую литературу со своим блестящим творением...

Здесь Филип умолк, явно намереваясь подогреть интерес аудитории, и взглянул в зал, лучась таинственностью. Очевидно, он не сомневался в своем успехе. Джулиус не верил глазам: что он ожидает увидеть? Студентов, которые привстают от нетерпения с мест и с дрожью в голосе спрашивают друг друга: «Кто же это? Кто этот литературный гений?»

Джулиус оглянулся на зал: всюду потухшие взгляды, тела лениво развалились в креслах, кто-то бессмысленно водит ручкой в тетрадке, кто-то с головой ушел в разгадывание кроссвордов. Слева от Джулиуса какой-то студентик спал, растянувшись на два кресла. Справа, в конце его собственного ряда, парочка, обнявшись, застыла в продолжительном поцелуе. Впереди в соседнем ряду двое юнцов, подталкивая друг друга локтями, игриво поглядывали куда-то в конец зала. Несмотря на любопытство, Джулиус не обернулся туда же – наверняка молокососы заглядывают кому-нибудь под юбку. Он взглянул на Филипа.

Так кто же был этот гений? – монотонно гудел Филип. – Его звали Томас Манн. Когда ему было столько же лет, сколько вам, – да, ровно столько, сколько вам, он начал писать свой шедевр, великий роман «Будденброки», который

увидел свет, когда автору было всего двадцать шесть. Томас Манн – прошу запомнить это имя. Один из гигантов двадцатого века, Нобелевский лауреат по литературе. – Здесь Филип продиктовал своему помощнику слова *Манн* и *Буд-ден-бро-ки*. – Роман «Будденброки», опубликованный в 1901 году, – это хроника бюргерского семейства, в которой в мельчайших подробностях прослеживается жизнь четырех поколений.

Вы спросите, какое отношение имеет все это к философии и к теме нашей сегодняшней лекции? Как я и обещал, я слегка отклонился от курса, но только для того, чтобы еще решительнее вернуться к главному вопросу.

В зале послышалась возня и затопотали чьи-то ноги. Подростки-вуайеристы с шумом собрали вещи и вышли. Целующаяся парочка в конце ряда тоже исчезла, и даже прикомандированный к доске студент внезапно куда-то испарился.

Филип продолжал:

Самое сильное впечатление производят заключительные главы книги. В них подробно описывается, как главный герой, отец семейства Томас Будденброк, ощущает приближение смерти. Можно только удивляться, как в свои неполные тридцать лет автор смог настолько проникнуть в чувства и переживания человека, стоящего на краю гибели. – Филип потряс потрепанной книжкой и с тенью улыбки на лице объявил: – Настоятельно рекомендую всем, кто намерен умереть.

Чиркнула спичка – двое студентов закурили, выходя из зала.

Когда смерть пришла за ним, Томас Будденброк был совершенно потрясен и растерян. Ни в чем из того, что поддерживало его раньше, он не мог найти опоры – ни в религии, которая давно уже перестала отвечать его метафизическим потребностям, ни в житейском скептицизме и материалистических рассуждениях в духе Дарвина. Ничто, по словам Манна, не могло дать умирающему, представшему «перед всевидящим оком смерти, ни минуты покоя».

В этом месте Филип поднял глаза:

То, что случилось дальше, имеет огромное значение, и именно с этого места я начинаю приближаться к непосредственной цели нашей сегодняшней беседы.

Когда его отчаяние достигло предела, Томас Буд-денброк случайно наткнулся в дальнем углу шкафа на дешевую, плохо сброшюрованную книжку. Это было философское сочинение, которое он много лет назад купил у букиниста. Он принялся читать его, и через некоторое время к нему вернулось спокойствие. Старик был абсолютно потрясен, по выражению Манна, тем, «как этот мощный ум покорил себе жизнь, властную, злую, насмешливую жизнь»¹³?

Умирающего старика поразила удивительная, несвойственная философии ясность, с которой автор излагал свои мысли. Он читал несколько часов подряд, пока не дошел до главы под названием «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашей сущности в себе». Совершенно очарованный, он продолжал читать – так, будто от этого зависела его жизнь. Когда книга подошла к концу, Томас Будденброк был уже совершенно другим человеком. Он вновь обрел мир и спокойствие, которые так долго ускользали от него.

¹³ Томас Манн. Будденброки. Пер. Н. Ман.

Что же нашел умирающий в этой книге? – Здесь в голосе Филипа зазвучали пророческие нотки. – А теперь слушайте внимательно, Джулиус Хертицфельд, потому что это пригодится вам на выпускном экзамене жизни...

От неожиданности Джулиус подскочил как ошпаренный. Он испуганно огляделся и лишь тогда заметил, что аудитория была совершенно пуста: в зале не осталось ни единого слушателя, даже двое бездомных с последнего ряда успели уйти.

Но Филип, нисколько не обескураженный отсутствием слушателей, спокойно продолжал:

Я прочту одно место из «Будденброков». – Он открыл книжку, которую держал в руках. – Ваше задание – внимательно прочесть этот роман, в особенности часть девятую. Это окажет вам неоценимую помощь – гораздо большую, чем попытки отыскать истину в воспоминаниях ваших бывших пациентов.

«Я надеялся продолжать жизнь в сыне? В личности еще более робкой, слабой, неустойчивой? Ребячество, глупость и сумасбродство. Что мне сын? Не нужно мне никакого сына... Где я буду, когда умру? Но ведь это ясно как день, поразительно просто. Я буду во всех, кто когда-либо говорил, говорит или будет говорить «я»; и прежде всего в тех, кто скажет это «я» сильнее, радостнее... Разве я ненавидел жизнь, эту чистую, жестокую и могучую жизнь? Вздор, недоразумение. Я ненавидел только себя – за то, что не умел побороть ее. Но я люблю вас, счастливые, всех вас люблю, и скоро тюремные тесные стены уже не будут отделять меня от вас; скоро то во мне, что вас любит, – моя любовь к вам, – станет свободным, я буду с вами, буду в вас... с вами и в вас, во всех...»¹⁴

Филип захлопнул книгу и снова вернулся к своим конспектам.

Так кто же был автор этого сочинения, которое настолько преобразило Томаса Будденброка? В книге Манн отказывается открыть его имя, но сорок лет спустя он напишет великолепное эссе, в котором будет утверждать, что автором сочинения был Артур Шопенгауэр. Манн описывает, как в двадцать три года впервые испытал невероятную радость от книг Шопенгауэра. Его не только околдовала мелодика шопенгауэровских слов, которые он описывает как «такие безупречно чистые и гармоничные, такие округлые, изложение и речь такие сочные, такие изящные, так ладно подогнанные друг под друга, такие волнующе яркие, такие великолепно и небрежно строгие, каких не было еще во всей истории немецкой философии»¹⁵, но и сама суть шопенгауэровской идеи, которую он называет «волнующей, захватывающей, целиком построенной на контрастах, балансирующей где-то между инстинктом и разумом, грехом и искуплением»¹⁶. Манн решил, что Шопенгауэр – слишком бесценная находка, чтобы держать ее при себе, и, не раздумывая, вложил его книгу в руки умирающего персонажа.

Но Томас Манн был не один – целый ряд великих мыслителей признавались, что многим обязаны Артуру Шопенгауэру. Толстой называл его «величайшим гением человечества». Для Рихарда Вагнера он был «даром небес». Ницше признавался, что его жизнь навсегда изменилась с той минуты, когда он купил старенький томик Шопенгауэра у лейпцигского букиниста и

¹⁴ Томас Манн. Будденброки. Пер. Н. Ман.

¹⁵ Thomas Mann. Essays of Three Decades. – New York: Alfred A Knopf, 1947. – P. 373.

¹⁶ Ibid.

позволил, как он выразился, «этому неутомимому мрачному гению поработать над моим сознанием»¹⁷. Шопенгауэр навсегда изменил интеллектуальную карту Западного мира, и без него мы имели бы совсем других, гораздо слабее, и Фрейда, и Ницше, и Харди, и Витгенштейна, и Беккета, и Ибсена, и Конрада.

Филип вынул карманные часы, на мгновение задержал на них взгляд и торжественно объявил:

На этом я заканчиваю обзор философии Шопенгауэра. Она настолько глубока и необъятна, что ее невозможно изложить в кратком виде, посему я решил ограничиться только тем, чтобы возбудить ваше любопытство и подтолкнуть вас самостоятельно освоить те шестьдесят страниц, которые посвящены этому вопросу в учебнике. Оставшиеся двадцать минут я хотел бы отвести на вопросы и обсуждение. Есть вопросы от аудитории, доктор Хертцфельд?

Совершенно сбитый с толку этим тоном, Джулиус снова оглядел пустой зал и затем негромко спросил:

– Филип, ты вообще заметил, что аудитория давно разошлась?

– Какая аудитория? Ах, эти? Так называемые студенты? – Филип небрежно дернул рукой, как бы показывая, что они не заслуживают его внимания и ни их появление, ни отсутствие не имеют для него совершенно никакого значения. – Вы, доктор Хертцфельд, и только вы – моя аудитория сегодня. Я читал эту лекцию только для вас, – ответил Филип, которого, по-видимому, нисколько не смущал разговор в гулком пустом зале с собеседником, сидящим в тридцати футах от него.

– Ну ладно, я поддамся. С какой стати ты читал ее для меня?

– Подумайте хорошенько, доктор Хертцфельд.

– Я бы предпочел, чтобы ты звал меня Джулиус. Когда я называю тебя Филип, мне кажется, тебя это не слишком раздражает, поэтому будет правильно, если ты тоже будешь называть меня Джулиус. Кстати, тебе это ничего не напоминает? Я только что вспомнил, что однажды, много лет назад, я тебе уже говорил: «Зови меня Джулиус – ведь мы не чужие».

– Я не имею привычки называть клиентов по имени, я им не друг, а профессиональный консультант, но раз вы хотите – пусть будет Джулиус. Так на чем мы остановились? Ты спрашиваешь, почему я читал лекцию только для тебя? Отвечаю: это моя реакция на твою просьбу о помощи. Вспомни, Джулиус, ты попросил меня о встрече, но на самом деле за этим стояло многое другое.

– Разве?

– Да. Позволь объяснить. Во-первых, твой тон звучал слишком настойчиво – тебе было крайне важно, чтобы я с тобой встретился. Вряд ли ты сторал от любопытства и просто хотел узнать, как у меня дела. Нет, ты хотел чего-то другого. Ты упомянул, что твое здоровье в опасности, а в шестьдесят пять это может значить только одно – ты умираешь. Отсюда я заключил, что ты напуган и ищешь поддержки. Моя лекция и есть ответ на твою просьбу.

– Надо признаться, весьма туманный ответ.

– Не туманнее твоей просьбы.

– Принято. Хотя, сколько я тебя помню, ты всегда любил скрытность.

– Я и сейчас ничего не имею против нее. Ты просил о помощи, и я ответил – я познакомил тебя с человеком, который лучше других знает, как тебе помочь.

– Ты, значит, собирался утешить меня рассказами про умирающих Будденброков?

¹⁷ Ronald Hayman. Nietzsche: A Critical Life. – New York: Penguin, 1982. – P. 72.

– Конечно. Но это была только приманка, маленький пример того, что я как твой проводник по Шопенгауэру смогу тебе предложить. Поэтому я и собираюсь заключить с тобой сделку.

– Сделку? Филип, ты не устаешь меня удивлять. И что же это такое?

– Видишь ли, мне нужна лицензия на консультирование. Я уже наработал достаточно часов и собрал все необходимые справки. Единственное, что мне осталось, – отработать двести часов под профессиональной супервизией. Я мог бы, конечно, и дальше работать как клинический философ – государством эта деятельность пока никак не регулируется, – но лицензия консультанта дает мне ряд преимуществ, включая страховку от врачебных ошибок – ну, и продвижение на рынке, конечно. В отличие от Шопенгауэра, у меня нет ни финансовой, ни научной поддержки – ты сам имел возможность убедиться, какой интерес к философии питают эти олухи из свинарника под названием Коустел-колледж.

– Филип, тебя не напрягает, что мы друг другу кричим? Лекция окончена, может быть, ты присядешь и мы продолжим в более неформальной обстановке?

– Конечно. – Филип собрал бумаги, затолкал их в портфель и опустился в кресло на первом ряду. Теперь они были ближе друг к другу, но их по-прежнему разделяли четыре ряда кресел, и кроме того, Филипу всякий раз приходилось неловко выворачивать шею, чтобы обратиться к Джулиусу.

– Правильно ли я понял, что ты предлагаешь мне бартер: я становлюсь твоим супервизором, а ты обучаешь меня Шопенгауэру? – уже тише спросил Джулиус.

– Именно. – Филип повернул шею – ровно настолько, чтобы не встречаться взглядом с Джулиусом.

– И ты уже продумал все детали?

– Еще как продумал. Честно говоря, доктор Хертцфельд...

– Джулиус.

– Да, да, Джулиус. Я только хотел сказать, что уже несколько недель собирался тебе позвонить и попросить о супервизии, но все откладывал – денежные дела, то да се. Поэтому я очень удивился, когда ты сам позвонил, – замечательное совпадение. Что касается принципа нашей работы, предлагаю встречаться раз в неделю и разбивать встречу надвое: одну половину ты консультируешь меня по моим клиентам, другую – я тебя по Шопенгауэру.

Джулиус закрыл глаза и погрузился в размышления. Филип подождал пару минут и потом не выдержал: – Ну что? Видишь ли, у меня сейчас по расписанию семинар, и, хотя нет надежды, что кто-то появится, нужно срочно бежать в деканат.

– Не знаю, что и сказать, Филип. Не каждый день получаешь такие предложения. Мне нужно как следует подумать. Давай встретимся на недельке. Я свободен по средам вечером. Можешь в четыре?

Филип кивнул:

– В среду я кончаю в три. Встретимся в моем офисе?

– Нет, Филип, в моем. Это у меня дома, Пасифик-авеню, 249, рядом с моим прежним офисом. Вот моя карточка.

Из дневника Джулиуса

Он просто огородил меня своим предложением. Он, видите ли, предлагает мне сделку: я становлюсь его супервизором, а он – моим консультантом. Удивительно все-таки, как быстро мы попадаем под знакомое влияние. Похоже на сон, когда все вокруг кажется таким странно знакомым, а потом вспоминаешь, что уже видел то же самое место, но в другом сне. Или на марихуану: пара затяжек – и ты уже в знакомом месте и думаешь знакомые мысли, которые существуют только под кайфом.

То же самое и с Филипом: поговорил с ним пару минут, и оп-па – тут же накатили старые воспоминания и еще особое, «филиповское» настроение. Высокомерный, презритель-

ный нахал. Думает только о себе. И все-таки в нем есть что-то – что-то сильное, оно притягивает меня. Но что именно? Интеллект? Холодность и высокомерие, помноженные на наивность? Поразительно, что за двадцать два года он ничуть не изменился. Хотя нет, он избавился от своей сексуальной зависимости, и теперь ему больше не нужно носиться, как кобелю по следу, вынюхивая очередную сучку. Он живет теперь возвышенной жизнью, о которой всегда мечтал. Но расчетливость – она осталась прежней. И так простодушен, что даже не догадывается ее скрывать. Думает, я уцеплюсь за его предложение руками и ногами. Выброшу на ветер двести часов своего времени, чтобы он учил меня Шопенгауэру. И у него еще хватает наглости выставлять дело так, будто это нужно мне самому, будто я сам его об этом прощу. Конечно, это было бы любопытно, но тратить двести часов на байки про Шопенгауэра не входит в мои планы. И к тому же, если он надеется поразить меня чем-то вроде умирающих Будденброков, он ошибается. Соединиться со всем и вся за счет потери собственного Я с его уникальной памятью, с его единственным, неповторимым сознанием? Нет, эта идея меня мало греет. Не греет совсем.

Но что тянет его ко мне, хотел бы я знать. На днях он язвительно заявил мне про двадцать тысяч долларов, которые якобы со мной потерял, – неужели таким образом он собирается их компенсировать?

Стать супервизором Филипа? Помочь ему стать законным, кошерным терапевтом? Тут еще нужно подумать. Хочу ли я помочь ему? Стать его крестным отцом, когда я ни секунды не верю, что этот мизантроп (а он именно мизантроп) способен кому-то помочь?

Глава 8

Безмятежные дни раннего детства

И так ведь все на стороне религии: откровение, писание, чудеса, пророчества, правительственная охрана, высший почет, какой приличествует истине, общее признание и уважение... и – что самое главное – неоценимое право внедрять свои учения в пору нежного детства, вследствие чего они становятся как бы прирожденными идеями¹⁸.

После рождения Артура в феврале 1788 года Иоганна в своем дневнике запишет, что ей, как и всякой молодой матери, нравится забавляться со своей «новой куклой». Но новые куклы очень скоро становятся старыми, и через несколько месяцев эта игрушка наскучит Иоганне, и она начнет томиться от скуки и одиночества. В ее душе неожиданно зашевелится что-то – какое-то смутное подозрение, что материнство никогда не было ее истинным призванием и что судьба уготовила ей совсем иное будущее. Летние месяцы, которые семья станет проводить в загородном поместье Шопенгауэров, будут особенно невыносимы. Хотя Генрих, в сопровождении священника, и будет навещать жену по выходным, все остальное время Иоганна станет проводить одна с маленьким Артуром и слугами: снedaемый жестокой ревностью супруг запретит жене принимать гостей и оставлять дом под любым предлогом.

Когда Артуру исполнится пять, на семью обрушатся серьезные испытания. Пруссия захватит Данциг, и буквально за несколько часов до того, как передовые прусские части – кстати, возглавляемые тем же самым генералом, которого Генрих так холодно поставил на место несколько лет назад, – войдут в город, семейство Шопенгауэров бежит в Гамбург. Там, в незнакомом городе, Иоганна произведет на свет второго ребенка, Адель, – событие, которое усугубит ее и без того мрачное отчаяние.

Генрих, Иоганна, Артур и Адель – отец, мать, сын и дочь – четыре человека, объединенные семейными узами и в то же время ничем не связанные друг с другом.

Для Генриха Артур был коконом, из которого со временем должен вывестись будущий глава торгового дома Шопенгауэров. В этом отношении Генрих был типичным представителем рода: он занимался тем, что делал деньги, и совершенно не вникал в воспитание сына, намереваясь приступить к исполнению отцовских обязанностей не раньше, чем Артур «завершит» свой детский период.

А его женушка? Каковы были виды Генриха на нее? О, она должна была стать утробой и колыбелью всех будущих Шопенгауэров. От природы слишком живая, она нуждалась в твердой руке, защите и обуздании.

А Иоганна? Что она чувствовала? Загнана в западню, поймана. Ее супруг и кормилец Генрих – ее роковая ошибка, угрюмый надсмотрщик, деспотичный страж ее живого вдохновения. А сын Артур? Разве он не часть западни, не тяжелый камень на ее могиле? Талантливая женщина, Иоганна жаждала самовыражения и самореализации, жажда эта угрожающе нарастала с каждым днем, и Артур был слишком ничтожной наградой за принесенную жертву саморечения.

А младшая дочь? Почти не замечаемая отцом, Адель сыграет незначительную роль в семейной драме и впоследствии всю жизнь проведет личным секретарем Иоганны Шопенгауэр.

Итак, каждый из Шопенгауэров шел собственным путем.

¹⁸ Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 2. – Гл. 17 «О метафизической потребности человека».

Глава семейства, измученный вечными тревогами и отчаяньем, добровольно уйдет в мир иной через шестнадцать лет после рождения сына: взобравшись на верхний этаж своего склада, он бросится в ледяные воды гамбургского канала.

Его жена, так внезапно освобожденная от брачных пут, недолго думая стряхнет пыль Гамбурга со своих ножек и легким ветерком упорхнет в Веймар, где очень скоро откроет один из известнейших литературных салонов Германии. Там она близко сойдется с Гёте и другими выдающимися сочинителями того времени и напишет с десятков романов, которые будут пользоваться невероятным успехом у читателей. Ее любимыми героинями станут женщины, которые, против воли вступив в брак, отказываются иметь детей, продолжая жить надеждой встретить настоящую любовь.

А что же юный Артур? Артуру Шопенгауэру будет уготовано стать одним из умнейших и одновременно несчастнейших людей своего времени, человеком, который в пятьдесят пять лет напишет: «И счастье, что мы не знаем того, что действительно случится... кто знает это, тому дети могут казаться порою невинными преступниками, которые хотя и осуждены не на смерть, а на жизнь, но еще не знают содержания ожидающего их приговора. Тем не менее всякий желает себе глубокой старости, т. е. состояния, в котором говорится: «Сегодня скверно, а с каждым днем будет еще хуже, пока не придет самое худшее»¹⁹.

¹⁹ Артур Шопенгауэр. *Parerga и Paralipomena*. – Т. 2. – § 155a.

Глава 9

В беспредельном пространстве бесчисленные светящиеся шары, вокруг каждого из которых вращается около дюжины меньших, освещенных первыми, горячих изнутри и покрытых холодной корой, на которой налет плесени породил живые существа, – вот эмпирическая истина, реальность, мир²⁰.

Просторный дом Джулиуса в Пасифик-Хайтс был гораздо величественнее всего, что он мог себе позволить теперь: когда-то, тридцать лет назад, Джулиус был одним из немногих счастливчиков Сан-Франциско, имевших в кармане достаточно денег, чтобы купить собственный дом – любой дом. Тридцать тысяч наследства, полученных его женой Мириам, сделали эту покупку возможной, и, кстати, весьма удачно – в отличие от прочих семейных вложений, только дом с тех пор подскочил в цене. После смерти Мириам Джулиус не раз подумывал его продать – для одного в нем слишком много места, – но в конце концов ограничился тем, что перевел свой рабочий кабинет на первый этаж.

Четыре ступеньки с улицы вели на площадку с фонтаном, выложенным голубым кафелем. Слева – ступеньки в кабинет Джулиуса, справа – в дом. Филип прибыл точно в назначенное время. Джулиус приветствовал его в дверях, провел в кабинет и, указав на большое кожаное кресло, спросил:

– Чай или кофе?

Но Филип сел, даже не оглядевшись, и, пропустив вопрос Джулиуса мимо ушей, прямо приступил к делу:

– Так как насчет супервизии?

– Ах да, я и забыл – никаких проволочек. Видишь ли, я долго думал... Даже не знаю, что сказать. В твоём предложении есть... одна неувязка – черт его знает, я никак не могу понять.

– Несомненно, тебя интересует, почему я выбрал именно тебя, хотя ты так и не смог мне помочь?

– Вот именно. Ты же сам предельно ясно сказал, что лечение закончилось ничем, что ты потерял три года и вдобавок угрожал кучу денег.

– На самом деле тут нет никакой неувязки, – с готовностью ответил Филип. – Человек может быть опытным врачом и супервизором и при этом потерпеть неудачу с одним из пациентов. По статистике, психотерапия, независимо от компетентности врача, абсолютно бесполезна примерно для трети пациентов. Кроме того, здесь, возможно, есть и моя вина – я был слишком упрям и неподатлив. Твоя единственная ошибка состояла в том, что ты с самого начала выбрал не тот метод и упорно его придерживался. Но это не значит, что я не признаю твоих усилий, даже твоего желания мне помочь.

– Неплохо сказано, Филип. Вполне логично. И все же просить о супервизии врача, который не сумел тебе помочь... Будь я на твоём месте, черта с два я бы на это пошел. Я бы отыскал другого человека. Сдается мне, тут что-то не так, ты чего-то недоговариваешь.

– Возможно, я должен кое-что разъяснить. Честно говоря, я не стал бы утверждать, что ты мне абсолютно ничего не дал – это не совсем так. В свое время ты сделал два замечания, которые запали мне в душу и позже сыграли роль в моем выздоровлении.

Несколько секунд Джулиус отчаянно боролся с собой. Неужели Филип думает, что его это не волнует? Не может же он быть таким идиотом. Наконец он все-таки не выдержал и спросил:

– И что же это были за замечания?

²⁰ Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 2. – Гл. 1 «По поводу основного идеалистического взгляда».

– Первое может показаться тебе пустяком, но для меня оно было важно. Однажды я рассказывал тебе про свой обычный день – подцепил девчонку, пригласил в ресторан, соблазнил – все как обычно, знакомая песня, а потом я спросил тебя, что ты об этом думаешь – по-твоему, это противно или безнравственно?

– Не помню. И что же я ответил?

– Ты сказал, что это ни противно, ни безнравственно – просто скучно. Это потрясло меня тогда – мысль, что я живу однообразной, скучной жизнью.

– Любопытно. Это первое. А второе?

– Мы обсуждали эпитафии. Уж не помню почему – кажется, ты сам спросил, какую эпитафию я бы себе выбрал...

– Вполне возможно. Я часто задаю этот вопрос, если разговор заходит в тупик и нужна встряска. Ну и?

– И ты сказал, что на моем надгробии следовало бы написать «Он любил трахаться». И добавил, что эта эпитафия подошла бы и моей собаке, так что мы могли бы воспользоваться одной плитой на двоих.

– Довольно жестко. Неужели я так грубил?

– Грубил ты или нет – не важно. Важно, что это подействовало. Потом уже, лет через десять, это мне сильно помогло.

– Эффект запоздалого действия! Я всегда подозревал, что он гораздо важнее, чем принято думать. Всегда собирался заняться этим вопросом. Но вернемся к делу. Скажи мне, почему, когда я к тебе пришел, ты ничего мне об этом не сказал, почему не признался, что хоть как-то, хоть в чем-то я сумел тебе помочь?

– Джулиус, я не понимаю, какое отношение это имеет к теме нашей беседы. Ты собираешься или не собираешься быть моим супервизором? Хочешь, чтобы взамен я консультировал тебя по Шопенгауэру?

– То, что ты не понимаешь, какое отношение это имеет к делу, как раз и имеет к делу самое прямое отношение. Филип, не буду ходить вокруг да около. Скажу откровенно: я не уверен, что ты достаточно подготовлен к тому, чтобы стать терапевтом, и потому сомневаюсь, что в моей помощи есть необходимость.

– Ты сказал «недостаточно подготовлен». Поясни, пожалуйста, – сказал Филип, не выказав ни малейшей обиды.

– Хорошо, я скажу. Я всегда считал психотерапию скорее призванием, чем профессией, – образом жизни, который выбирает тот, кто любит людей. В тебе я не вижу этой любви. Настоящий врач стремится уменьшить страдания других, помочь им стать лучше. В тебе я нахожу только пренебрежение к людям – вспомни, как презрительно ты отзывался о своих студентах. Психотерапевт должен установить контакт с пациентом – тебя совершенно не волнует, что чувствуют остальные. Возьми хотя бы меня. Ты сам сказал, что после нашего телефонного разговора ты понял, что я смертельно болен, и тем не менее ты ни разу – ни единожды – не попытался хоть как-то меня успокоить.

– Что толку? Бормотать пустые утешения? Я дал тебе больше, гораздо больше. Я устроил для тебя целую лекцию.

– Теперь-то я это понимаю. Но ты напустил столько туману. Мне казалось, что обо мне не заботятся, а манипулируют мною, как куклой. Для меня было бы лучше, намного лучше, если бы ты действовал просто и открыто, поговорил со мной по душам. Пусть это выглядело бы не так монументально – просто осведомился, как я себя чувствую, как поживаю, да черт тебя побери, Филип, ты мог бы просто сказать: «Старик, мне очень жаль, что ты умираешь». Неужели это так трудно?

– Будь я болен, я поступил бы иначе. Мне были бы нужны идеи, инструменты, мировоззрение, которое открывает Шопенгауэр, его взгляды на смерть – именно это я и пытался до тебя донести.

– Между прочим, ты так до сих пор и не спросил, смертельно ли я болен.

– А я ошибся?

– Давай же, Филип, скажи это. Не бойся, это не страшно.

– Ты сказал, что у тебя серьезные проблемы со здоровьем. Может быть, расскажешь?

– Неплохо для начала. Открытый вопрос в конце фразы – хороший выбор. – Джулиус замолчал, собираясь с мыслями и решая, что именно сказать Филипу. – Видишь ли, совсем недавно я узнал, что у меня рак кожи, злокачественная опухоль, меланома, которая представляет серьезную опасность для жизни, хотя доктора уверяют меня, что в течение года ничего страшного со мной не случится.

– Я тем более думаю, что философия Шопенгауэра была бы тебе очень полезна. Помню, однажды на нашем сеансе ты как-то сказал, что жизнь – это «переменные условия с постоянным результатом»; это чистый Шопенгауэр.

– Филип, это была шутка.

– Ну и что? Разве мы не знаем, что твой собственный гуру, Зигмунд Фрейд, говорил по поводу шуток? Я по-прежнему уверен, что в идеях Шопенгауэра тебе многое пригодится.

– Я пока не стал твоим супервизором – и еще неизвестно, стану ли, – но позволь мне преподать тебе первый урок психотерапии – бесплатно, конечно. *Ни идеи, ни взгляды, ни приемы не имеют в ней никакого значения.* Спроси бывших пациентов, что они помнят о своем лечении? *Никто* не заикнется про идеи – все скажут *только* про отношения. Мало кто помнит, что именно внушал им врач, но зато все с нежностью вспоминают свои отношения с психотерапевтом. Рискну предположить, что и у тебя было то же самое. Почему все, что произошло между нами, так глубоко врезалось тебе в память, что даже теперь, спустя много лет, ты решил обратиться именно ко мне? Вовсе не из-за тех двух замечаний – какими бы важными они ни были, – нет, я уверен, это из-за того, что ты по-прежнему ощущаешь свою связь со мной. Думаю, ты был довольно сильно ко мне привязан, и именно потому, что наши отношения, при всей их сложности, были так для тебя важны, ты сейчас снова обратился ко мне в надежде восстановить некий личный контакт.

– Ошибки по всем пунктам, доктор Хертцфельд...

– Ну да, конечно. Такие ошибки, что от одного упоминания личного контакта ты переходишь на официальный тон.

– Ошибки по всем пунктам, Джулиус. Прежде всего, ты ошибаешься, если полагаешь, что твое видение реальности и есть реальность на самом деле – *res naturalis* – и что твоя обязанность заключается в том, чтобы внушать его остальным. Ты ценишь и превозносишь отношения между людьми и из этого делаешь ошибочное заключение, будто я – или вообще все – должны делать то же самое, а если я мыслю по-другому, значит, я подавил в себе стремление к общению. На самом деле, – продолжал Филип, – для таких людей, как я, гораздо важнее философский подход. Истина в том, что ты и я – мы совершенно разные люди. Я никогда не испытывал абсолютно *никакого* удовольствия от общения с людьми. Что это дает? Пустая болтовня, мышьяная возня, бессмысленное существование – все это всегда раздражало меня и мешало общаться с теми действительно великими умами, которые могли сообщить мне что-то важное.

– Тогда зачем становиться психотерапевтом? Почему бы не остаться со своими великими умами? Стоит ли помогать тем, кто ведет «бессмысленное существование»?

– Если бы у меня, как у Шопенгауэра, было достаточно средств к существованию, уверяю тебя, ноги моей здесь бы не было. Это чисто денежный вопрос. Все свои деньги я истратил на образование, за преподавание получаю гроши, колледж разваливается, и я даже не знаю, получу ли контракт на следующий год. Пара-тройка клиентов в неделю – и я спасен. Живу

я экономно, и мне нужна только свобода, чтобы я мог заниматься тем, что люблю, – читать, думать, размышлять, слушать музыку, играть в шахматы и гулять с Регби, моей собакой.

– Ты так и не ответил на мой вопрос: почему ты обратился именно ко мне, несмотря на то что у нас с тобой совершенно разные подходы? И ты ничего не сказал по поводу моей догадки – о том, что наши прошлые отношения по-прежнему притягивают тебя ко мне.

– Я ничего не сказал, потому что это не имеет никакого отношения к делу. Но поскольку это волнует тебя, я скажу. Ты ошибаешься, если думаешь, что я совершенно отрицаю коллективное начало. Даже Шопенгауэр признавал, что двуногие, как он их называл, должны время от времени собираться вместе у костра, чтобы согреться. Однако он предупреждал об опасности подпалить себе шкуру, если чересчур тесно сбиться в кучу. Он любил приводить в пример дикобразов – они тоже жмутся друг к другу, чтобы согреться, но не забывают расставлять иголки, чтобы держать дистанцию. Он сам крайне дорожил своей независимостью и не нуждался ни в чем извне для собственного счастья. Кстати, он не был одинок: другой гений, Монтень, вполне разделял его взгляды. Я тоже сторонюсь двуногих и согласен с замечанием Шопенгауэра, что счастлив тот, кто может почти совершенно обходиться без своих соплеменников. Что можно возразить на это? Разве не двуногие устроили ад на земле? Шопенгауэр правильно говорил: «Homo homini lupus» – человек человеку волк. Я думаю, именно он вдохновил Сартра на «Выхода нет».

– Все это так, Филип, но тем самым ты только подтверждаешь мою мысль, что ты не можешь работать психотерапевтом. В твоей философии совершенно не остается места человеческой дружбе.

– Всякий раз, когда я пытался установить контакт, кончалось тем, что я терял часть самого себя. У меня никогда не было друзей, и я не собираюсь их заводить. Надеюсь, ты помнишь, я был одиноким ребенком, мать мной не интересовалась, отец был несчастным человеком и покончил жизнь самоубийством. Если честно, я еще не встречал людей, которые могли бы предложить мне что-то интересное, – и вовсе не потому, что я их не искал. Каждый раз, когда я пытался завести знакомство, получалось как у Шопенгауэра: либо несчастные страдалцы, либо глупцы, либо люди с дурным нравом и низкими наклонностями. Естественно, я говорю о тех, кто живет сегодня, – великих мудрецов прошлого это не касается.

– Ты общался и со мной.

– Это было деловое общение, а я говорю про дружбу.

– Твои взгляды написаны у тебя на лбу. Ты презираешь людей и, как следствие, не умеешь с ними общаться. Любопытно, как ты представляешь себя психотерапевтом?

– Тут я с тобой согласен – я знаю, что мне нужно работать над собой. Как говорит Шопенгауэр, нужно немного теплоты и внимания, чтобы манипулировать людьми, – это как воск, согрей его в руках, если хочешь придать ему нужную форму.

Джулиус покачал головой и поднялся. Он не спеша налил себе кофе и принялся расхаживать взад и вперед по комнате.

– Придать нужную форму? Неплохая метафора. Пожалуй, одна из самых чудовищных метафор применительно к психотерапии – нет, *самая* чудовищная. А ты, я смотрю, не склонен миндальничать. Признаюсь, твой друг и советчик Артур Шопенгауэр с каждой минутой мне все отвратительнее. – Джулиус снова сел и, потягивая кофе, добавил: – Я не предлагаю тебе кофе, потому что, как я понимаю, он тебя мало интересует – ты хочешь знать только ответ на свой вопрос о супервизии, поэтому я, так и быть, сжалюсь над тобой и перейду к сути. Вот мое решение... – Здесь Филип, который в продолжение всей беседы упорно смотрел в сторону, в первый раз взглянул на Джулиуса. – У тебя блестящая голова, Филип, и ты знаешь кучу вещей. Возможно, со временем ты найдешь способ употребить свои знания на пользу психотерапии. Может быть, ты даже достигнешь больших высот – я на это надеюсь. *Но ты не готов стать психотерапевтом.* Как и не готов к моей супервизии. Твои отношения с людьми, умение пони-

мать и сопереживать нуждаются в серьезной доработке – в очень серьезной доработке. И тем не менее я хочу тебе помочь. Один раз это у меня не вышло, так что это мой последний шанс. Могу я стать твоим союзником, Филип?

– Я отвечу, когда услышу твое предложение, которое, как я понимаю, грядет.

– О господи. Хорошо, слушай. Я, Джулиус Хертцфельд, согласен стать супервизором Филипа Слейта после того – *и только после того*, – как он пройдет шестимесячный курс групповой терапии у меня в группе.

В кои-то веки Филип испугался. Такого он явно не ожидал.

– Ты шутишь.

– Никогда не бывал серьезнее.

– Я же тебе все объяснил. Рассказал, что много лет сидел по уши в дерьме, что наконец-то вернулся к жизни, объяснил, что хочу зарабатывать на жизнь как консультант и для этого мне нужен супервизор – что здесь непонятного? В ответ ты предлагаешь мне то, чего я не хочу и не могу себе позволить.

– Повторяю. По моему мнению, никакая супервизия тебе не нужна и ты не готов быть консультантом, однако групповая терапия поможет тебе исправить твои недостатки. Таковы мои условия. Сначала групповая терапия, а потом – и только потом – я стану твоим супервизором.

– Плата?

– Не очень высокая. Семьдесят долларов за полтора часа занятий. И платишь, даже если пропускаешь занятие.

– Сколько человек в группе?

– Я стараюсь, чтобы было не больше семи.

– Семь человек по семьдесят долларов – четыреста девяносто. За полтора часа. Неплохая работенка. Ну, и в чем суть групповой терапии – в твоём понимании, конечно.

– Суть? Это ты меня спрашиваешь? Послушай, Филип, я буду откровенен: какой к черту из тебя психотерапевт, если ты ни хрена не смыслишь в том, что происходит между людьми?

– Нет, нет, *это*-то я понял. Просто я неправильно сформулировал вопрос. Видишь ли, я никогда не имел дела с групповой терапией, и мне хотелось бы, чтобы ты просветил меня в общих чертах, как она работает. Какая мне польза от того, что я стану выслушивать, как другие жалуются на свою жизнь и проблемы en masse²¹? Сама мысль об этом хоре несчастных приводит меня в ужас. Хотя, как говорит Шопенгауэр, всегда приятно сознавать, что кто-то страдает больше тебя.

– Так ты просишь ввести тебя в курс дела? Разумно. Я всегда разъясняю новичкам правила игры и считаю, что каждый психотерапевт обязан это делать. Ну что ж, начнем вводный курс. Прежде всего меня интересуют межличностные отношения. Я исхожу из предположения, что пациенты попадают в группу именно из-за трудностей в общении...

– Но это не так. Я вовсе не хочу и не нуждаюсь...

– Знаю, знаю, просто выслушай меня, Филип, пожалуйста. Я только сказал, что исхожу из предположения, что они испытывают эти трудности, – это просто мое предположение, согласен ты со мной или нет. А что касается целей, которые я перед собой ставлю, то скажу тебе прямо: *моя цель помочь каждому пациенту как можно лучше понять, в каких отношениях он или она находится с другими членами группы, в том числе и с руководителем*. Я исповедую метод «здесь и сейчас» – это важнейший принцип, Филип, запомни его, если ты действительно собираешься стать психотерапевтом. Иными словами, мы работаем по принципу «никакой истории»: все внимание на *сейчас* – никто не углубляется в прошлое, разбираем только текущий момент в жизни группы, и на *здесь* – забудь про все, что было не так в отношениях с другими

²¹ *Здесь*: все скопом (фр.).

людьми. Видишь ли, я исхожу из того, что пациенты ведут себя на занятиях точно так же, как они ведут себя в жизни, поэтому рано или поздно непременно обнаружат свои проблемы, а дальше это уже их задача – сделать выводы из опыта работы в группе и перенести их на свои отношения с другими людьми. Все ясно? Если хочешь, я дам информационные буклеты.

– Ясно. Основные правила поведения в группе?

– Прежде всего, конфиденциальность – ты не имеешь права никому рассказывать про остальных членов группы. Второе – ты должен открыто и честно делиться своими впечатлениями о других членах группы и рассказывать, что ты о них думаешь. Третье – все, что происходит, происходит внутри группы: если кто-то из участников общается между собой после занятий, это обязательно выносится на группу и обсуждается.

– И это единственный способ сделать тебя моим супервизором?

– Совершенно верно. Хочешь, чтобы я тебя натаскал? Вот тебе мое непереносимое условие.

Несколько минут Филип сидел, закрыв глаза и обхватив голову руками. Наконец он открыл глаза и произнес:

– Я пойду на это, только если ты согласишься зачесть групповую терапию в счет супервизии.

– Послушай, Филип, у всего есть пределы. Ты представляешь себе, в какое положение меня ставишь?

– А ты представляешь себе, в какое положение ты ставишь меня своим предложением? С какой стати я должен тратить силы, выясняя отношения с чужими людьми, когда я терпеть не могу, чтобы ко мне лезли в душу. К тому же ты сам сказал, что если я научусь общаться, то стану лучше с профессиональной точки зрения.

Джулиус встал, подошел к раковине, поставил чашку и покачал головой: во что он позволил себя втянуть. Потом вернулся в кресло, медленно выдохнул и наконец произнес:

– Справедливо. Я согласен списать часы групповой терапии на супервизию.

– Еще одно: мы не обсудили подробности нашей сделки – как я буду обучать тебя Шопенгауэру.

– Это пока не горит, Филип, – придется с этим подождать. Хочу дать тебе еще один ценный совет: избегай двойных отношений с пациентами – они будут только мешать процессу. Я имею в виду любые неформальные отношения: романтические, деловые, даже обычные отношения ученика с учителем. Так что я бы предпочел, чтобы наши отношения были предельно ясными. Это для твоей же пользы. Поэтому предлагаю начать с группы, затем приступить к супервизии, а там уж – не знаю, не обещаю – и к философии, хотя, признаюсь, в данный момент я не испытываю особого желания изучать Шопенгауэра.

– Может быть, условимся, сколько ты будешь мне платить за консультацию?

– Это еще вилами на воде, Филип, давай позже.

– Нет, я все-таки хотел бы договориться об оплате.

– Ты продолжаешь удивлять меня, Филип. Волнуешься о какой-то ерунде, а реальные вещи оставляешь без внимания.

– Ну, все равно. Так как насчет оплаты?

– Обычно я беру за супервизию столько же, сколько с индивидуальных клиентов – с небольшой скидкой для начинающих.

– Договорились, – кивнул Филип.

– погоди, Филип, я хочу, чтобы ты понял: пока что Шопенгауэр не очень меня волнует. Когда мы впервые об этом заговорили, я только заинтересовался, каким образом он смог тебе помочь, а ты уже сам раздул это дело так, будто мы взаправду заключили сделку.

– Ты заинтересуешься больше, когда узнаешь. У Шопенгауэра есть много ценного для нашей области. Он во многом опередил Фрейда, который только подгрел под себя его идеи и даже спасибо не сказал.

– Обещаю, что буду стараться, но, повторяю, многое из того, что ты успел рассказать про Шопенгауэра, как-то не вызвало у меня желания изучать его дальше.

– И даже то, что я говорил на лекции, – про его взгляды на смерть?

– В особенности это. Идея о том, что часть меня после смерти соединится с какой-то неизвестной сверхъестественной силой, ничуть не утешает меня. Какая мне польза от этого, если мое сознание исчезнет? И что мне толку знать, что мои молекулы рассеются в пространстве и когда-нибудь моя ДНК станет частью другого существа?

– Мы должны вместе почитать его размышления по поводу смерти и неразрушимости нашей сущности, тогда, я уверен...

– Не теперь, Филип, не теперь. В настоящее время смерть занимает меня меньше всего – я хочу как можно лучше прожить остаток своих дней, вот о чем я сейчас думаю.

– Смерть всегда с нами, всегда рядом. Сократ ясно выразился: «Чтобы научиться хорошо жить, нужно сначала научиться хорошо умирать». А Сенека: «Никто так не ценит жизнь, как тот, кто готов в любую минуту с ней расстаться».

– Да, да, я все это слышал, и, может быть, они правы – в теории. Я совсем не против того, чтобы внести философские идеи в психотерапию. Я – за. Кроме того, я вижу, что Шопенгауэр действительно пошел тебе на пользу во многих отношениях – но не во всех: курс коррекции тебе не помешает. Вот здесь-то и приходит группа. Так что жду тебя на первом занятии в следующий понедельник в половине пятого.

Глава 10

Самая счастливая пора в жизни Артура

Именно потому что роковая активность половой системы все еще дремлет, а мозг уже работает в полную силу, детство – это высший период невинности и счастья, Эдем, потерянный рай, на который мы с тоской оглядываемся всю свою жизнь²².

Когда Артуру исполнилось девять, отец пришел к выводу, что настало время заняться образованием сына. Для начала Генрих решил отправить Артура на два года в Гавр, в дом своего компаньона Грегуара де Блеземира, где мальчику предстояло обучаться французскому, светским манерам и, как выразился Генрих, «поднатореть в книжной науке».

В разлуке с родителями, вдали от родного дома – какой ребенок не воспринял бы это изгнание как настоящую трагедию? И тем не менее впоследствии Артур всегда будет называть эти годы «самой счастливой порой моего детства».

Что-то важное случилось в Гавре – возможно, Артур впервые ощутил на себе чье-то искреннее внимание и заботу и понял, что жизнь бывает радостна. Он всегда будет с нежностью вспоминать добрых и хлебосольных Блеземиров, среди которых наконец-то обрел нечто похожее на родительскую любовь. В письмах домой он станет так восторженно восхвалять своих любезных хозяев, что мать будет вынуждена напомнить ему о добродетелях и щедрости его собственного отца: «Вспомни, – напишет она ему, – как батюшка позволил тебе купить флейту слоновой кости за один луидор»²³.

И еще одно важное событие произойдет во время недолгого пребывания Артура в Гавре – у него появится друг, один из немногочисленных близких людей в его жизни: Антим, сын Блеземиров, был ровесником Артура. В Гавре мальчики подружились и, после того как Артур вернулся в Гамбург, еще некоторое время обменивались письмами.

Через несколько лет, когда обоим исполнится двадцать, молодые люди встретятся вновь и даже будут некоторое время вместе искать любовных приключений, затем их пути и интересы разойдутся: Антим станет коммерсантом и исчезнет из поля зрения Артура до тех пор, пока, тридцатью годами позже, между ними вновь не завяжется краткая переписка, в которой Артур станет просить у друга совета по финансовым вопросам. Когда же Антим ответит, что в качестве платы за свою услугу он хотел бы получить право распоряжаться всеми бумагами Артура, тот немедленно оборвет переписку – к тому времени он уже станет с подозрением относиться к людям и не будет доверять никому. Артур гневно отшвырнет письмо Антима, черкнув на обратной стороне конверта презрительный афоризм Грасиана, испанского философа, особенно почитаемого его отцом: «Стоит только войти в дела другого, чтобы забыть о своих».

Еще десятью годами позже Артур и Антим встретятся в последний раз – это будет крайне неловкая встреча, в продолжение которой друзьям почти нечего будет сказать. После этой встречи Артур сделает запись в дневнике, где назовет своего бывшего друга «несносным старикашкой» и добавит: «Если два друга юности после разлуки всей жизни снова встречаются стариками, то преобладающим чувством, которое возникает в них при виде друг друга и при воспоминании о юности, является полнейшее disappointment (разочарование) во всей жизни»²⁴.

И еще один инцидент произойдет, пока он будет в Гавре: Артур впервые столкнется со смертью. Умрет его гамбургский товарищ по играм Готтфрид Яниш, и хотя Артур никак не

²² Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 2. – Гл. 31 «О гении».

²³ Rüdiger Safranski. Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy. – P. 26.

²⁴ Артур Шопенгауэр. Parerga и Paralipomena. – Т. 2. – § 156.

проявит своих чувств и даже скажет, что с тех пор никогда не вспоминал Готтфрида, он, судя по всему, так и не сможет забыть ни своего ушедшего товарища, ни того потрясения, которое он испытал от первого свидания со смертью, потому что тридцатью годами позже он запишет в дневнике такой сон: «Я оказался в какой-то незнакомой мне местности, в поле передо мной стояла группа каких-то людей и среди них худой, высокий мужчина, который, не знаю почему, был знаком мне как Готтфрид Яниш, и он приветствовал меня»²⁵.

Для Артура не представляло большого труда растолковать это сновидение: он жил в Берлине, где в то время свирепствовала холера. Сон, в котором он вновь встречает Готтфрида, мог означать только одно – то был знак приближающейся смерти. Поэтому он решил немедленно покинуть Берлин и переселиться во Франкфурт-на-Майне. Здесь, во Франкфурте, он и проведет последние тридцать лет жизни – главным образом потому, что будет считать этот город более всего защищенным от холеры.

²⁵ **Rüdiger Safranski.** Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy. – P. 280.

Глава 11

Первое занятие Филипа

Наслаждаться настоящим и обратить это в цель своей жизни – величайшая мудрость, так как оно одно реально, все же остальное – только игра воображения. Но с одинаковым успехом можно было бы назвать это и величайшей глупостью; ибо то, чего уже больше нет в следующее мгновение, что исчезает, подобно сну, недостойно серьезного стремления²⁶.

Филип прибыл на свое первое занятие за пятнадцать минут до начала. В тех же брюках цвета хаки, помятой выцветшей рубашке в клетку и вельветовом пиджаке. В который раз подивившись равнодушию, с которым этот человек относился к себе, к вещам, к студентам – по видимому, ко всему вообще, – Джулиус засомневался, правильно ли сделал, пригласив Филипа в группу. Что это было? Взвешенное профессиональное решение или старый приятель гонор снова зашевелился внутри?

Гонор. Дерзкая, нахальная бравада, бесцеремонная наглость, лучшей иллюстрацией которой могла служить история с тем парнем, который сначала зверски убил родителей, а потом умолял на суде помиловать несчастного сироту. *Гонор* – первое, что приходило Джулиусу на ум, когда он задумывался о собственном отношении к жизни. Скорее всего он носил его в себе с рождения, но впервые осознал в пятнадцать лет, в ту осень, когда переехал с родителями из Бронкса в Вашингтон. Это произошло вскоре после того, как его отца постигла очередная финансовая неудача. Они поселились на северо-западе Вашингтона в маленьком домике с террасой на Фаррагут-стрит. Загадка финансовых затруднений главы семейства хранилась за семью печатями, однако Джулиус был втайне убежден, что она имела какое-то отношение к ипподрому «Акведук» и к Красотке, лошади, которой отец владел вместе с Виком Вичелло, своим закадычным приятелем и давним партнером по покеру. Вик был скользкий тип. Он носил розовый платок в кармане желтой спортивной куртки и всегда тщательно избегал появляться в доме, если там была его мать.

В Вашингтоне отец устроился директором винного магазина. Владелец магазина был его двоюродный брат, в самом расцвете сил выбитый из седла сердечной недостаточностью, этим злейшим врагом человечества, покалечившим или сведшим в могилу целое поколение сорокапятилетних ашкеназских евреев, вскормленных на сметане и жирной грудинке. Отец терпеть не мог свою новую работу, но она позволяла им держаться на плаву. Она не только приносила неплохие деньги, но и не подпускала отца к «Лаурелю» и «Пимлико», двум местным ипподромам.

В свой первый день в школе Рузвельта в сентябре 1955-го Джулиус принял судьбоносное решение: он начинает жизнь заново. В Вашингтоне его никто не знал, он был чист, как ангел, не запятнан мрачным прошлым. Три года, проведенные в прежней школе 1126 в Бронксе, не оставляли ни малейшего повода для гордости. Страсть к азартным играм перевешивала все, чем могла привлечь школа, так что Джулиус днями напролет болтался в боулинг-клубе, ставя на себя или на своего дружка Марти Геллера, короля по броскам левой. Кроме этого, он помаленьку промышлял букмекерскими операциями, предлагая всем желающим ставить десять против одного на трех бейсбольных игроков, которые в любой назначенный день проведут между собой шесть ударов. Это был беспроеигрышный ход: на кого бы ни ставили несчастные агнцы – на Мэнтла, Кэлайна, Аарона, Вернона или Стэна (Супермена) Мьюжала, – им

²⁶ Артур Шопенгауэр. Parerga и Paralipomena. – Т. 2. – § 143.

почти никогда не удавалось выиграть, если, конечно, не считать мелких неудач, которые тоже время от времени случались. Джулиус водил компанию с такими же бездельниками, как и он сам, и тщательно поддерживал образ несгибаемого уличного бойца, чтобы держать в страхе тех, кто вздумал бы водить его за нос; в школе был нарочито немногословен, сохранял невозмутимый вид и не упускал случая «забить» на урок-другой ради того, чтобы лишний раз полюбоваться тем, как Мэнтл держит центр на стадионе «Янки».

Все изменилось в тот день, когда директор школы вызвал его с родителями к себе в кабинет и предъявил всем троим букмекерский гроссбух, в тщетных поисках которого Джулиус провел несколько дней. И хотя постигшая кара была сурова – никаких прогулок по вечерам два месяца вплоть до окончания школы, никаких боулинг-клубов, стадионов, игр и карманных денег, – от Джулиуса не укрылось, что отец только делал вид, будто сердится, а на самом деле был, по-видимому, в совершенном восторге от его схемы с тремя игроками и шестью ударами. Как бы там ни было, Джулиус уважал директора школы и потому, так внезапно лишившись его расположения, не мог не почувствовать, что настало время для кардинальных перемен. К сожалению, было уже слишком поздно – ему удалось подтянуться разве что до слабого хорошиста. О новых друзьях не приходилось и мечтать: образ отчаянного головореза, над которым он так долго и тщательно трудился, мешал всем разглядеть в нем того нового Джулиуса, которым он решил сделаться.

Этот случай запомнился Джулиусу на всю жизнь; позже он всегда обращал особое внимание на феномен «устойчивого образа». Сколько раз он замечал, что окружающие не замечают глубоких перемен, произошедших в человеке, и продолжают относиться к нему так, будто ничего не случилось. То же самое происходит и в семьях. Многие пациенты признавались ему, что испытывают адские муки, навещая родителей: они рассказывали, что им постоянно приходится быть настороже, чтобы их не втянули в их прежнюю роль, и тратить невероятные усилия, чтобы убедить домашних, что они стали совсем другими.

Для Джулиуса эксперимент по созданию нового «я» начался с переездом в Вашингтон. Стояло бабье лето, был восхитительный сентябрьский денек, когда он, шурша опавшими кленовыми листьями, в первый раз брел в школу Рузвельта, ломая голову над стратегией, которую стоит выбрать. Но когда перед входом в класс он увидел расклеенные на стенах плакаты с предвыборными лозунгами кандидатов на должность председателя класса, его осенило, и еще до того, как узнать местоположение мальчишеского туалета, он вписал свое имя в списки кандидатов.

Выборы старосты были процедурой многотрудной – пробиться в фавориты было немногим легче, чем победить на муниципальных выборах. Джулиус ровным счетом ничего не знал о школе и даже не успел познакомиться ни с одним из своих одноклассников. Стал бы прежний Джулиус баллотироваться в председатели класса? Черта с два. Но в этом все и дело. Именно поэтому он и решился на такой шаг. Да и если рассудить, чем он рисковал? Имя Джулиуса Хертцфельда будет у всех на слуху, и всем придется признать в нем силу, потенциального лидера, человека, с которым приходится считаться. К тому же он обожал действовать.

Конечно, соперники поднимут его на смех, будут отмахиваться от него, как от назойливой мухи, показывать пальцем – дескать, он никому не известный выскочка. Джулиус предвидел эти нападки и заранее приготовил внушительную речь про убедительные преимущества свежего взгляда, способного высветить пороки, незаметные развращенному глазу тех, кто слишком долго стоял у кормушки власти. Слава богу, язык у него всегда был хорошо подвешен, да и опыт с улаживанием простачков в боулинг-клубе тоже что-то значил. Новому Джулиусу было нечего терять, и поэтому он принялся бесстрашно переходить от одной кучки школяров к другой, говоря: «Привет. Я Джулиус, новенький, надеюсь, что вы проголосуете за меня на выборах. Я, конечно, ни черта не смыслю в вашей кухне, но, вы знаете, полезно бывает взгля-

нуть со стороны. К тому же я абсолютно независим – не принадлежу ни к одной группировке, потому что никого не знаю».

Закончилось тем, что Джулиус не только изрядно развлекся, но и умудрился чуть не выиграть выборы. Школа Рузвельта переживала не лучшие времена: после восемнадцати футбольных проигрышей подряд, с баскетбольной командой, тоже не внушавшей особых надежд, школа была полностью деморализована. Два других кандидата занимали шаткую позицию: Кэтрин Шу-манн, тихоня-отличница, дочь коротышки-священника, читавшего проповеди перед общешкольными собраниями, была фигурой слишком положительной и не пользовалась особой популярностью, а Ричард Хейшман, рыжий красавец с бычьей шеей, имел слишком много врагов. Джулиус вознесся на гребне протестной волны. Вдобавок, к своему удивлению, он встретил единодушную поддержку со стороны еврейской части избирателей, составлявшей треть учеников в классе и до тех пор сторонившейся большой политики. Они возлюбили его той восторженной любовью, какую питают робкие и нерешительные маменькины сынки к бесстрашному и героическому еврею из Нью-Йорка.

Эти выборы стали поворотным моментом в жизни Джулиуса. Его так окрылил успех от собственной наглости, что он решил торжественно заложить это качество в фундамент своего будущего характера. Через некоторое время уже три школьных еврейских клана боролись за него, он был единодушно признан не только отчаянным смельчаком, но и обладателем того волнующего и неуловимого дара, который превыше всего ценит непокорная, мятежная юность, – индивидуальности. Вскоре он уже входил в столовую, окруженный толпой поклонников, и после школы появлялся на улице за ручку с красавицей Мириам Кэй, редактором школьной газеты и единственной ученицей, оказавшейся способной настолько затмить собой Кэтрин Шуманн, что ей даже поручили выступить с речью на выпускном вечере. Он и Мириам стали неразлучны. Она ввела его в мир искусства и научила ценить красоту, а он, как ни бился, не смог разъяснить ей высокую драму боулинга и бейсбола.

Да, гонор далеко его завел. Он культивировал гонор, гордился им и позже всегда расплывался в довольной улыбке, если кто-то называл его редким оригиналом, врачом, не боящимся браться за самые безнадежные случаи. Но гонор имел и темную сторону – уверенность в собственной непогрешимости. Сколько раз он взваливал на себя больше, чем мог унести, сколько раз требовал от клиентов невозможного и упорно, несмотря ни на что, продолжал следовать однажды выбранному курсу, заканчивая, в конце концов, оглушительным провалом.

Так что же все-таки заставило его надеяться, что он может перевоспитать Филипа, – искреннее желание помочь или все то же болезненное упрямство, глупая мальчишеская самонадеянность? Он не знал. Провожая Филипа в комнату для групповых занятий, Джулиус вгляделся в него внимательнее: гладко зачесанные рыжеватые волосы, туго натянутая на скулах кожа, настороженный взгляд, тяжелые шаги – Филип выглядел как осужденный, которого ведут на эшафот.

Джулиусу стало жаль его, и, стараясь говорить как можно мягче, он произнес:

– Знаешь, Филип, групповая терапия – вещь бесконечно сложная, но одно в ней можно предсказать с абсолютной точностью... – Если Джулиус ожидал, что собеседник заинтересуется, его ждало разочарование: Филип не проронил ни слова. Сделав вид, что не заметил, Джулиус продолжил так, будто Филип уже осведомился, что же это такое в групповой терапии «можно предсказать с абсолютной точностью»: – И оно состоит в том, что на первом занятии новичок всегда чувствует себя совсем не так неловко, как ожидал вначале.

– Я не чувствую никакой неловкости.

– Ну, что ж, тогда просто прими к сведению – на всякий случай.

Филип остановился перед дверью в кабинет, где они беседовали несколько дней назад, но Джулиус тронул его за локоть и подтолкнул к следующей двери. Они вошли в комнату: с трех сторон от пола до потолка тянулись книжные полки; широкое окно в деревянной раме

смотрело на японский садик с изящными карликовыми соснами, каменными горками и узким прудиком восьми футов в длину, в котором плавно скользил золотистый карп. Комната была обставлена просто, по-деловому: прямо за дверью – небольшой стол, семь удобных плетеных кресел, расставленных по кругу, и еще два в углу.

– Ну, вот мы и пришли. Это моя библиотека и комната для групповых занятий. Пока мы ждем остальных, позволь вкратце рассказать правила. По понедельникам за десять минут до начала я открываю дверь, и каждый сам проходит сюда. Я прихожу в половине пятого, и мы сразу же начинаем. Заканчиваем в шесть. Чтобы облегчить мою бухгалтерию, все платят сразу после сеанса – просто оставляешь чек на столе у двери. Вопросы?

Филип покачал головой и, потянув носом воздух, обвел глазами комнату. Оглядевшись, он решительно направился к полкам и, приставив нос к кожаным корешкам, снова принялся, всем своим видом изображая крайнее наслаждение. Оставшееся время он провел там, стоя спиной к дверям и сосредоточенно изучая содержимое полок.

Комната постепенно наполнялась людьми. Входя, каждый бросал взгляд на спину Филипа. Но Филип ни разу не повернулся, даже не шелохнулся, увлекшись библиотекой.

За тридцать пять лет работы с группами Джулиус навиделся всякого. В подобных случаях дело, как правило, обстоит так: новичок, терзаемый сомнениями, пересекает порог и робко представляется членам группы, которые в ответ приветствуют неофита и называют себя. Правда, бывает и так, что молодая группа, наивно полагая, что польза от занятий прямо пропорциональна вниманию, уделяемому каждому члену группы, вначале протестует против появления новичка, но старая, сложившаяся группа никогда не впадает в подобное заблуждение: она понимает, что еще одно занятое кресло не снижает, а лишь повышает эффективность занятий.

Бывает, новички с ходу вступают в дискуссию, однако чаще всего в первый день больше молчат, предпочитая присмотреться к правилам игры и дожидаясь, когда кто-нибудь пригласит их принять участие в разговоре. Но новичок, который даже не считает нужным повернуться к группе? Такого Джулиус еще не видел – даже в психлечебнице.

Да, он явно просчитался, пригласив Филипа. Мало того, что сегодня он должен объявить о своей болезни, так теперь еще и это.

Да что с Филипом такое, в конце концов? Может, он слишком волнуется или стесняется? Нет, это на него не похоже. Скорее всего другое: это была моя идея втянуть его в эту игру, и теперь он пытается показать мне и всей группе, что плевать хотел на меня и на наши занятия. Черт возьми, подумал Джулиус, с каким удовольствием я бы просто плюнул. Ничего бы не делал. Пусть выкручивается, как хочет. Посмотрим, как он станет отбиваться от всей группы. А он очень скоро этого дождется.

Джулиус был не большой любитель анекдотов, но в этот момент ему вспомнилась одна история, услышанная как-то очень давно:

«Однажды утром сын говорит матери:

– Сегодня я не хочу идти в школу.

– Почему?

– По двум причинам: я ненавижу учеников, и они ненавидят меня.

– Есть две причины, по которым ты обязан пойти в школу: во-первых, тебе сорок пять лет, и, во-вторых, ты директор школы».

Да, он уже вырос. Он руководит этой группой, и его обязанность – вводить новых членов, защищать их от остальных и от самих себя. И хотя Джулиус редко открывал встречи, предпочитая, чтобы клиенты сами брали на себя эту обязанность, на этот раз у него не было выбора:

– Половина пятого, пора начинать. Филип, почему бы тебе не присесть к нам? – Филип повернул голову, но даже не двинулся с места. Он что, оглох? Косит под дурачка? Только

после того как Джулиус, энергично вращая глазами, показал ему на свободное кресло, Филип наконец уселся.

Обращаясь к Филипу, Джулиус сказал:

– Вот это наша группа. Сегодня с нами не будет одного человека, Пэм – она уехала на два месяца. – И затем, повернувшись к группе: – Я говорил вам несколько недель назад, что у нас может быть новенький. На прошлой неделе я встретил Филипа, и он начинает сегодня. – Конечно, он начинает сегодня, подумал Джулиус, что за идиотское замечание. Ну все, больше я ни слова не скажу. Пусть сам барахтается, как знает.

Как раз в этот момент в комнату ворвался Стюарт. По-видимому, он спешил прямо из клиники, потому что на нем был белый больничный халат. Он плюхнулся в кресло, бормоча извинения. Все повернулись к Филипу, и четверо из присутствующих начали представляться: «Привет. Я Ребекка, Тони, Бонни, Стюарт. Очень приятно. Рады тебя видеть. Добро пожаловать. Мы давно нуждаемся в свежей крови – то есть в новом вливании, я хотел сказать».

Пятый, представительный, рано облысевший мужчина с венчиком золотистых волос на голове и грузной фигурой слегка потрепанного футбольного судьи, сказал на удивление тихо:

– Привет, я Гилл. Прости, Филип, надеюсь, ты не обидишься, но сегодня мне очень нужно внимание группы. Как никогда нужно.

Никакого ответа.

– Ты не против, Филип? – повторил Гилл.

Филип вздрогнул, широко раскрыл глаза и кивнул. Гилл вновь повернулся к знакомым лицам и начал:

– Да, скажу я вам, с моей женой не соскучишься. В общем, ее прорвало сегодня утром, после встречи с доком. Я уже рассказывал, что несколько недель назад аналитик дал Роуз книжку про жестокое обращение с детьми, и теперь она думает, что с ней жестоко обращались в детстве. Короче, это ее идея фикс – как это называется?... идэй фиксэй? – Гилл повернулся к Джулиусу.

– *Idée fixe*, – немедленно вставил Филип с безупречным французским прононсом.

– Вот-вот, спасибо, – сказал Гилл и, бросив быстрый взгляд на Филипа, негромко добавил: – Ого. Круто. Так вот, – вернулся он к своему рассказу, – у Роуз теперь *idée fixe*, что ее отец приставал к ней, когда она была маленькой. Вбила себе в голову – и ни в какую. Что ты конкретно помнишь? Ничего. Кто-нибудь может подтвердить? Никто. Но ее психоаналитик убежден, что если она подавлена, боится секса и если у нее все эти штучки вроде провалов памяти и неконтролируемых эмоций, и в особенности агрессия к мужчинам, то ее *наверняка* должны были совращать в детстве. Так, видите ли, написано в этой чертовой книжке, а он на эту книжку молится. И вот мы уже несколько месяцев только и делаем, что об этом говорим. Она мне уже всю плешь проела. Что сказал врач да что он посоветовал. Все. Других тем нет. Про постель забудь. Выкинь из головы. Пару недель назад она и говорит мне: позвони моему отцу – я не хочу с ним разговаривать – и пригласи его к моему аналитику. И просит меня тоже прийти – как она выражается, для «защиты»... Ну, я ему звоню. Он тут же соглашается, вчера садится в автобус, мчится из Портленда сюда и сегодня утром является на встречу со своим стареньким чемоданчиком в руках – потому что он собирался сразу после этого отбыть домой. То, что дальше происходит, просто ужас. Сплошной мордобой и кровопролитие. Роуз срыгается на него, как собака. Чего только она ему не наговорила. И мелет, и мелет. Ни слова благодарности за то, что ее старик притащился сюда за несколько сотен миль ради нее – чтобы полтора часа провести с ее аналитиком. Обвинила его во всех смертных грехах – видите ли, он собирал в доме соседей, друзей, всю свою пожарную команду – он раньше работал пожарным, – чтобы склонить ее к сексу.

– И что же он? – спросила Ребекка, удивительной красоты женщина лет сорока, стройная и высокая. Подавшись вперед, она внимательно слушала.

– О, он повел себя как настоящий мужик. Он отличный старик, где-то под семьдесят, милый такой, приятный. Я его видел в первый раз. Он был просто великолепен – черт, хотел бы я, чтобы у меня был такой отец. Он просто сидел и слушал, и еще повторял Роуз, что, если у нее накопилось столько злости, только лучше, если она ее выплеснет. Спокойно отрицал все ее дикие обвинения, а потом взял и сказал – и тут я с ним полностью согласен, – что Роуз злится просто потому, что он бросил их, когда ей было двенадцать. Он сказал, что это компост – он так и сказал, «компост», он сам огородник, – который заложила в нее мать, это она с детства настраивала Роуз против него. Он сказал, что ушел от них, потому что жизнь с ее матерью довела его до ручки и он давно бы сдох, если бы остался жить с этой стервой. И, доложу я вам, в том, что касается матери Роуз, старик недалеко от истины. Совсем недалек... В общем, после сеанса он попросил нас подбросить его до вокзала, я не успел даже ответить – Роуз как закричит, что в одной машине с ним она не будет чувствовать себя в безопасности. «Понял», – сказал он и поплелся прочь со своим чемоданчиком... Минут через десять мы с Роуз едем по Маркет-стрит, и я вижу его – седой сгорбленный старик волочит свой чемодан. Начинало накрапывать, и я сказал себе: «Черт, это же дерьмо собачье». Короче, я сорвался и говорю Роуз: «Этот старик приехал ради тебя, на твою встречу с врачом, он проделал весь этот путь из Портленда, черт побери, идет дождь. Как хочешь, а я отвезу его на станцию». Я сворачиваю к обочине и предлагаю ему сесть. Роуз смотрит на меня, как дикая кошка: «Если он сядет, я выйду». Я говорю: «Пожалуйста, садитесь», – показываю ей на «Старбакс», чтобы она подождала меня там, и говорю, что через несколько минут за ней приеду. Она вылезает из машины и важно так уходит. Это было около пяти часов назад. В «Старбаксе» я ее так и не нашел. Я поехал в парк «Золотые Ворота» и пробродил там все это время. Теперь я думаю вообще не возвращаться домой.

Гилл замолчал и обессиленно откинулся в кресле.

Вся группа – Тони, Ребекка, Бонни и Стюарт – одобрительно загудела: «Молодчина, Гилл», «Давно пора, Гилл», «Ого, ты действительно это сделал?», «Гилл, ты просто герой».

Тони сказал:

– Не могу сказать, как я рад, что ты бросил наконец эту стерву.

– Если тебе негде спать, – сказала Бонни, нервно проводя руками по волнистым каштановым волосам и поправляя желтые очки-консервы, – у меня есть свободная комната. Не волнуйся, я тебя не трону, – хихикнула она, – я для тебя слишком стара, и к тому же дочка дома.

Джулиус, не слишком довольный нажимом группы (он слишком часто встречал пациентов, бросавших занятия из страха разочаровать группу), в первый раз нарушил молчание:

– У тебя мощная группа поддержки, Гилл. Что ты сам думаешь по этому поводу?

– Здорово. Мне кажется, это здорово. Только... еще рано что-то говорить. Все случилось так быстро – я хочу сказать, это произошло только утром... так странно... в голове все плывет... сам не знаю, что теперь делать.

– Правильно ли я понимаю, – продолжил Джулиус, – что ты не собираешься выходить из-под влияния жены, чтобы попасть под влияние группы?

– А-а, да... Думаю, что так. Да, понимаю... Точно. Но все это так сложно. Я действительно хочу... мне действительно нужна поддержка... спасибо... мне очень нужна ваша помощь – это критический момент в моей жизни. Но все высказались, кроме тебя, Джулиус. И, конечно, нашего нового товарища, Филипа, так?

Филип кивнул.

– Филип здесь первый день, а ты уже много раз об этом слышал. – Гилл повернулся к Джулиусу. – Что ты скажешь? Что мне теперь делать?

Джулиус невольно поморщился, надеясь, что никто этого не заметил. Как и большинство психотерапевтов, он терпеть не мог этот вопрос – все эти «как бы ты поступил» да «что бы ты сделал», – хотя и знал, что к этому все идет.

– Думаю, тебе не понравится, что я скажу, Гилл, но все-таки слушай. Я не могу сказать тебе, как поступить, – это твое дело, твое решение, не мое. Первое – ты здесь именно для того, чтобы научиться доверять собственному мнению. Второе – все, что я знаю про Роуз и ваш брак, я знаю от тебя, а ты не можешь быть объективным. Моя задача состоит в том, чтобы помочь тебе решить, как именно ты будешь справляться с этой жизненной трудностью. Мы не можем ни понять, ни изменить Роуз, и только *ты* – твои чувства, твое поведение – вот что важно для нас, потому что это единственное, что ты можешь изменить.

Наступило молчание. Джулиус был прав: Гиллу не понравился его ответ. Как, впрочем, и остальным.

Ребекка выложила на стол заколки, встряхнула длинными черными волосами и снова принялась их закалывать. Потом повернулась к Филипу:

– Ты новенький и в первый раз слышишь эту историю. Но иногда устами младенцев...

Филип молчал. Не поймешь, слышал ли он вопрос Ребекки.

– Да, что ты думаешь, Филип? – спросил Тони мягко – редкость для него. У него было смуглое лицо с рубцами от юношеских угрей на щеках, черная футболка и облегающие джинсы как нельзя лучше подчеркивали стройную, спортивную фигуру.

– У меня есть одно замечание и один совет, – сказал Филип. Он сидел, сложив руки на груди, откинув голову и уставившись в потолок. – Ницше однажды заметил, что основное различие между человеком и коровой состоит в том, что корова знает, как существовать, она живет без фобий, то есть без страхов – в блаженном настоящем, не ведая ни тяжести прошлого, ни ужасов будущего. Но мы, несчастные *homo sapiens*, нас так мучает наше прошлое и будущее, что способны лишь мимолетно скользнуть в настоящем. Знаете, почему мы с такой тоской вспоминаем о золотых днях детства? Ницше говорит, потому что дни детства были беззаботными днями, днями *без заботы*, когда мы еще не несли на себе груза мрачных воспоминаний и не имели за спиной руин прошлого. Позвольте здесь попутно заметить: я цитирую сочинение Ницше, но мысль эта не была оригинальной – это, как и многое другое, Ницше просто выкрал у Шопенгауэра.

Филип замолчал. В комнате повисла тяжелая тишина. Джулиус поерзал в кресле. Черт меня побери, старый я дурак, выжил из ума – это ж надо было пригласить сюда этого типа. Да это бог знает что такое. Чтобы новичок так разговаривал с группой. Да это просто неслыханно.

Бонни первая нарушила молчание. Повернувшись к Филипу, она сказала:

– Невероятно. Я действительно часто вспоминаю свое детство, но никогда не думала об этом вот так – что в детстве было легко и приятно, потому что на меня ничего не давило. Спасибо, я обязательно запомню.

– Я тоже. Любопытная мысль, – добавил Гилл. – Но ты сказал, что у тебя есть совет?

– Да, вот мой совет. – Филип говорил тихо и невозмутимо, по-прежнему избегая глядеть в глаза остальным. – Твоя жена из тех людей, которые особенно неспособны жить в настоящем, потому что на нее слишком давит груз прошлого. Она – тонущий корабль и быстро идет ко дну. Мой совет – прыгай за борт и плыви к берегу. Опустившись глубже, она даст мощную волну, поэтому совету тебе – плыви изо всех сил, если хочешь остаться в живых.

Тишина. Группа замерла от неожиданности.

– Да-а, – протянул Гилл, – в дипломатичности тебя не обвинишь. Я спросил – ты ответил. Здорово. Даже очень. Хорошо, что ты пришел к нам в группу. Может, хочешь еще что-то сказать? Я бы с удовольствием послушал.

– Что ж, – ответил Филип, как прежде глядя в потолок, – в таком случае я скажу кое-что еще. Кьеркегор пишет, что некоторые люди пребывают в «двойном отчаянии», то есть они находятся в отчаянии, но так привыкли обманывать себя, что даже не подозревают, что они в отчаянии. Мне кажется, ты в двойном отчаянии. Я скажу тебе вот что: большинство моих страданий происходили оттого, что я подчинялся своим желаниям. Когда я удовлетворял одно

желание, на некоторое время приходило удовольствие, оно очень скоро перерастало в скуку, а та в свою очередь сменялась новым желанием. Шопенгауэр называет это общим человеческим условием – желание – кратковременное насыщение – скука – новое желание... Теперь вернемся к тебе. Я сомневаюсь, что ты до конца изжил в себе этот цикл желаний. Возможно, ты был настолько поглощен желаниями своей жены, что это не позволяло тебе осознать свои собственные? Может быть, поэтому все так аплодировали тебе сегодня – потому что ты наконец перестал быть мальчиком на побегушках? В общем, я хочу тебя спросить – ты просто временно отложил работу над собой или похоронил ее окончательно, пытаясь угодить жене?

Гилл слушал, разинув рот, во все глаза глядя на Филипа.

– Ты глубоко копнул. Я чувствую, что здесь зарыто что-то важное – в том, что ты сказал... эта мысль про двойное отчаяние... но я не вполне понимаю...

Теперь все глаза были устремлены на Филипа, который продолжал не отрываясь смотреть в потолок.

– Филип, – сказала Ребекка, которая закончила наконец свои манипуляции с заколками, – ты хочешь сказать, что Гилл не начнет работать над собой, пока не освободится от жены?

– Или, – прибавил Тони, – пока он с ней, он не поймет, в каком дерьме он сидит? Черт, это один в один про меня и мою работу. Всю неделю я только и делаю, что думаю о том, как стыдно быть плотником, – что я простой работяга, зарабатываю гроши и все смотрят на меня сверху вниз. И что в результате? У меня совсем нет времени думать о том, чем мне действительно давно пора заняться.

Джулиус с удивлением наблюдал, как группа пришла в движение: все заговорили наперебой, с жадностью ловя каждое слово Филипа. Его уколола ревность, но тут же ее подавил, напомнив себе, что главное – интересы группы. *Остынь, Джулиус,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.